

Анна
Дашевская

ПРОБЕЛ
В БИОГРАФИИ

Анна Дашевская
Пробел в биографии
Серия «Хроники Союза
королевств», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548428

Аннотация

Казалось бы, что может быть проще и неприятнее, чем посещение похорон не слишком близкого тебе человека? Оказывается, может: если ты узнаёшь, что покойный, много лет работавший на тебя, был убит. Более того, в истории жизни Клода Тезье, обыкновенного управляющего поместьем, обнаружились странные лакуны, и никто не смог рассказать, где же был и что делал покойный в эти месяцы. Лавиния Редфилд не любила пробелов в биографии жертвы. Опыт подсказывал, что именно в таких пробелах и скрываются убийцы.

А непонятности множились, словно кролики: неожиданное появление и внезапная смерть вдовы, которая вовсе и не вдова; подозрение на преступление, совершённое при помощи артефакта; странная возня в маленьком сонном городке по соседству от поместья...

Пришлось командеру пожертвовать отпуском и заняться расследованием, потому что никто не смеет поднимать руку на то, что принадлежит семье Редфилд, а Клод Тезье ей принадлежал.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	51
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анна Дашевская

Пробел в биографии

Глава 1

С плывущего по Сене прогулочного корабля донеслась музыка и взрывы смеха, и Лавиния очнулась от размышлений. Были они не слишком приятными: вместо ленивого отпуска дома, с книгами и музыкальными кристаллами ей предстояло отправляться в Провенс. Конечно, там тоже вроде как дом, но... вот именно, что вроде как.

Поместье «Лаванда» было куплено много лет назад вместе с покойным мужем. После его смерти госпожа Редфилд иногда туда приезжала, в основном же жила в Лютеции, оставив все дела поместья на давнишнего управляющего, господина Тезье. Эжена Тезье сменил его сын Клод, хозяйка по-прежнему приезжала в «Лаванду» раз в два-три года, и всё шло как шло.

Даже самой себе госпожа Редфилд не часто признавалась, что неприязнь к поместью вызвана не только горем после смерти мужа – что уж там горевать, прошло слишком много лет! – но и устоявшейся нелюбовью к жизни вне города. Что делать, Лавиния была урбанисткой до мозга костей.

К тому же, она всегда терпеть не могла лаванду.

Однако полученное с магвестником письмо нарушило все планы.

Писал ей мэр ближайшего городка, Жансона, в чью сферу интересов входили также поля и виноградники, принадлежавшие Лавинии.

«Глубокоуважаемая госпожа Редфилд, с глубоким прискорбием сообщаю вам, что вчера, 25 июня 2187 года, скончался управляющий вашего поместья „Лаванда“ господин Клод Тезье. Похороны состоятся 28 июня на городском кладбище Жансона. Поскольку господин Тезье не оставил наследника или преемника, я был бы счастлив увидеть вас, чтобы решить вопрос о новом управляющем. Остаюсь неизменно к вашим услугам, Жан-Люк де Брюссоло, мэр Жансона».

– Странно... – Лавиния перечитала письмо, словно там могли появиться ещё какие-то слова. – Мне казалось, что Тезье был ещё молод, вроде года два назад ему исполнилось сорок. Или пятьдесят? Ну, неважно, этот самый Брюссоло прав, поехать нужно. Бакстон! – дворецкий возник рядом с креслом, словно вышел из тени между шкафом и камином. – Мне придётся уехать. Позовите мне эту новую девушку, как её зовут?

– Жюли, мадам.

– Очень хорошо, значит, Жюли. И потом попросите подойти госпожу Олесунн.

– Да, мадам. Можно спросить, какое время вы планируете

отсутствовать?

– Тьма его знает, Бакстон... – рассеянно произнесла Лавиния. – Отправлюсь порталом завтра утром, надеюсь отсутствовать не более недели, а там – кто знает.

– Да, мадам. Осмелюсь заметить, господину Тезье было сорок шесть лет, – почтительно заметил дворецкий.

– Спасибо.

Горничная говорила еле слышным голоском, к манерам хозяйки она пока не привыкла. Впрочем, этого Лавиния от неё и не требовала: Жюли должна была вовремя вытирать пыль и укладывать багаж для поездок, чем она и занялась, выслушав указания. Сложнее было с Марджори Олесунн, верной секретаршей: Лавинии решительно не хотелось тащить её с собой. С другой стороны, Марджори как раз «Лаванду» любила и могла обидеться, если ей не предложить присоединиться.

«Ладно, разберёмся!» – махнула рукой госпожа Редфилд. Ну, и разобралась, конечно.

Утром двадцать седьмого июня в мощёном дворе поместья «Лаванда», что располагалось в двадцати километрах близ города Жансон, раскрылось порталное окно, и через него на каменные плиты вышли две женщины. Одна – пухленькая брюнетка в годах, в льняном голубом платье. Вторая – высокая и худая, с очень светлыми голубыми глазами и почти белыми волосами, в лёгких брюках и шёлковой рубашке.

Она осмотрелась и сказала своей спутнице:

– Смотри, Марджори, такое впечатление, что умер не только Тезье, а вообще никого живого в поместье не осталось.

– Вполне возможно, что они просто заняты делами, – пожала плечами Марджори. – Зайдём в дом и поглядим. Она решительно поднялась по ступенькам крыльца и дёрнула за ручку двери. Та не открылась.

Лавиния пожала плечами.

– Я же говорила!

– А ключ у тебя есть?

– Есть. Хозяйка я тут или кто?

Она выудила из пространственного кармана деревянную коробку, в которой действительно лежал блестящий, словно ни разу не использовавшийся ключ такого размера, будто им предполагалось запирать королевскую казну.

Впрочем, Лавиния точно знала, что как раз королевская казна закрыта вовсе не на обычный замок: там была установлена сложная магическая система охраны и сигнализации. Она сам принимала участие в установке.

Вот только здесь ключ к замку не подошёл. Вставить его в скважину получилось, а вот повернуть – уже нет.

Марджори хмыкнула.

– Да Тьма тебя побери! – пробормотала Лавиния, сунула ключ на место, приложила к замку ладонь и пошевелила губами, проговаривая заклинание. Внутри что-то хрупнуло,

скрежетнуло, и дверь медленно раскрылась.

– Вот так, – сказала она удовлетворённо и подула на ладонь.

В холле было промозгло, словно и не стояла в Провенсе тридцатиградусная жара. Марджори приняхалась и уверенно сказала:

– На кухне точно кто-то есть, пахнет хлебом.

– Пошли посмотрим.

И они свернули из холла в левый коридор, здесь располагались кухня, кладовые, вход в подвал и в винный погреб, а также комнаты слуг.

Да, здесь и в самом деле пахло хлебом. А ещё на кухне трудилась крупная, даже толстая женщина, резавшая овощи, и две молоденьких девушки.

– Мадам Тома, вас ли я вижу? – спросила Лавиния с порога.

Толстуха развернулась, всмотрелась в вошедших и всплеснула руками.

– Великая Мать, да как же это? Ваша милость, что ж вы не сообщили, что приедете, мы бы хоть комнаты подготовили и обед праздничный!

– Всё нормально, мадам Тома, – улыbnулась Лавиния. – До ночи ещё далеко, всё можно успеть.

– Ну-ка, Мари, Катрин, бегом – привести в порядок спаль-

ни, – скомандовала кухарка. – Окна открыть, проветрить, свежие цветы...

– Цветы я поставлю, – сказала Марджори. – А вот почему входная дверь не открывалась?

– Так господин Тезье, бедняга, – мадам Тома осенила себя знаком Великой Матери. – Он приказал поменять все замки, и парадную дверь держать запертой. Оно правда, мы через неё и не ходим никогда, через сад-то сподручнее.

– А почему понадобилось менять замки? – Лавиния уселась у стола и утащила из-под полотенца булочку.

– Влезли к нам какие-то... В начале весны, в марте. Ночью открыли двери и весь второй этаж обшарили.

– Прямо весь? – подняла брови хозяйка.

Она точно знала, что не хранит в этом доме ничего мало-мальски ценного. Ну, не за чиньскими же вазами ростом ей до плеча полезли в дом? А столовое серебро хранится в кладовых...

– Две гостевых спальни, бальный зал и гостиную, потом-то Катрин проснулась, услышала, что кто-то ходит и шум подняла. А, и ещё в оранжерее пытались покопаться, это уж в другой раз, но там Люсьен, садовник, маху не дал, ружьё-то у него всегда солью заряжено, – и толстуха хихикнула, как девочка.

Марджори и Лавиния переглянулись.

– Н-да, – тихо сказала секретарша. – Понятно, что ничего не понятно.

– Разберёмся, – ответила Лавиния. – Странно, что Тезье мне ничего не сообщил... Скажите, мадам Тома, на похороны кто-то из поместья поедет?

– Так все поедут, здесь сторож останется. Правда, господин мэр экипаж обещал прислать только за этой... – и она с явной неприязнью кивнула в сторону флигеля, где были апартаменты управляющего.

– За какой?

– Так за вдовой его, прости меня святая Бригита, – и кухарка сплюнула.

– Разве Тезье был женат? – Марджори удивилась. – Я считала, что он развёлся с женой лет двадцать назад!

– Четырнадцать, – припечатала мадам Тома. – Четырнадцать лет тому, и всё это время та дрянь сюда и носу не казалась! А стоило господину Тезье покинуть этот свет, она сразу прискакала, и кто только сообщил? И как так быстро успела, не порталом же она пользовалась? Это вашей милости прилично через порталы-то ходить, а не этой щучке. Сейчас вон к нотариусу отправилась в Жансон, словно ей хоть медная монетка положена... Ох, а бульон-то у меня перекипит! – кухарка резво кинулась к плите и стала помешивать в большой сверкающей кастрюле.

– Ладно, не будем вам мешать, – забросив в рот последний кусочек булки, Лавиния встала. – Пойдём, Марджори, бросим вещи в наши спальни, и ты обещала заняться цветами.

Секретарша молча последовала за ней в холл, по лестни-

це на второй этаж и в правый коридор, где все двери были распахнуты, и девушки носились испугнутыми птицами из одной комнаты в другую, готовя дом к жизни.

* * *

Жансонское кладбище находилось за городской стеной, и от Южной башни к нему вела платановая аллея. Правда, городок был так невелик, что пройти его от Северных ворот до Южных можно было минут за сорок неспешного хода, ну, зато он гордился своей древностью. Построен Жансон был ещё во времена короля Рене Доброго, и с тех пор так и оставался в тех самых стенах, что заложили в середине пятнадцатого века.

Прощание с покойным назначили на полдень, но Лавиния отправилась на кладбище заранее: здесь был похоронен её последний муж, и ей хотелось навестить к могиле в одиночестве.

Накануне, после обеда, она открыла портал на центральную городскую площадь и вместе с Марджори посетила мэрию, после чего вернулась в поместье и сообщила кухарке – а значит, и всем прочим, потому что новости внутри мадам Тома не удерживались – о том, что два экипажа специально для служащих будут поданы за час до начала церемонии.

Госпожа Редфилд положила букетик фиалок на скромную плиту серого мрамора, где было высечено лишь имя и годы

жизни, вздохнула и побрела по аллее в сторону ворот. Ей хотелось понаблюдать за участниками церемонии.

Похороны были, в общем, обычными: всхлипывающие женщины, вянущие на жаре цветы, гулкие удары колокола... Три вещи удивили Лавинию, несмотря на выработавшуюся за много лет привычку к неожиданностям: во-первых, оказалось, что господин Тезье, традиционалист до мозга костей, вовсе не был почитателем церкви Единого или Великой Матери. Его провожал в последний путь священник из храма всех богов, Пантеона, и гимн он пел в честь Тора Триждырождённого, бога грома и молний, защищающего разумных от великанов и чудовищ.

Во-вторых, вдова – или женщина, которая так себя называла – присутствовала. Стояла у гроба, прикладывала к глазам под вуалью платочек. Вуаль, кстати, была из валансьенских кружев, которые не всякая дама себе может позволить...

И, наконец, в-третьих, в стороне от могилы стояла девушка – вся в чёрном, и под чёрным же кружевным зонтом. Расположилась она так, чтобы взгляд вдовы неизменно на неё падал, и к концу гимна всех присутствующих занимал не столько покойный, сколько девушка с зонтиком.

Лавиния нашла взглядом мадам Тома и потихоньку подошла к ней.

– Кто это такая? – спросила госпожа Редфилд.

– Вы о ком, мадам? А, та девица с зонтиком? Понятия не имею. Вроде она похожа на кого-то, черты лица знакомые... А может, мне это только кажется. Возраст, знаете, даёт себя знать, глаза уже не те...

Не дослушав, Лавиния кивнула ей и снова ввинтилась в толпу. Отошла за ближайшую мраморную урну, прикинула расстояние и открыла мини-портал неизвестной за спиной.

То ли та была магом, то ли всё же порталное окно открылось не полностью бесшумно, но девица оглянулась и поздоровалась.

– Хорошо бы нам с вами поговорить, – быстро произнесла Лавиния. – Часа в два в городе – устроит?

– Нет, это плохой вариант, – нисколько не удивилась неизвестная. – Лучше приходите ко мне. Улица Ла Рош, дом 12. Меня зовут Андреа.

– Я...

– Знаю, – кивнула девушка, быстро развернулась и ушла.

По окончании службы возникла некоторая заминка: полагалось бы каждому из присутствующих пройти мимо могилы, бросив туда цветок, потом подойти к вдове и выразить сочувствие. Вот только никто не был уверен в том, что вдова и в самом деле таковой является. Лавиния подошла к мэру, стоящему возле ямы якобы в глубоком горе, и произнесла шёпотом:

– Господин Брюссоло, как владелица поместья, я могу

представлять семью покойного.

Невыразимое облегчение отразилось на лице мэра. Он склонился к руке госпожи Редфилд, потом чмокнул воздух возле её щеки и негромко спросил:

– Могу ли я пригласить вас на ужин? Сегодня в половине девятого. Я пришлю за вами экипаж.

– Буду рада, – Лавиния величественно склонила голову.

Следом за Жан-Люком де Брюссоло горожане один за другим бросали на гроб цветы – букетики лаванды, связанные лиловыми ленточками, тёмно-красные июньские розы, крупные садовые ромашки и синие дельфиниумы – после чего подходили к госпоже Редфилд. По счастью, город был, как уже говорилось, совсем небольшим, и поток скорбящих иссяк довольно быстро.

Дама под валансьенскими кружевами несколько минут кусала губы, затем резко развернулась и решительно пошла к воротам. Её никто не останавливал.

Ушёл последний из тех, кто пришёл проводить Клода Тезье. Лавиния несколько минут наблюдала, как два рабочих лениво орудуют лопатами, забрасывая землёй последнее пристанище её управляющего, потом пошла в контору. Ей нужно было найти директора, оплатить работу и принадлежности, выбрать плиту, которую по истечении времени положат на холмик.

Наконец все печальные дела были окончены.

Госпожа Редфилд посмотрела на часы.

– Половина второго, – пробормотала она. – И где она находится, эта самая улица Ла Рош?

Первый же прохожий на вопрос ткнул пальцем себе за спину, обозначая направление. Потом добавил:

– Идите в сторону Северных ворот, не ошибётесь. Дойдете до канала, поверните направо, там и будет вам эта самая улица.

* * *

Дом номер тринадцать оказался симпатичным городским особнячком в два этажа, выкрашенным в приятный жёлтый цвет, с высоким крыльцом и сдвоенными полуциркульными окнами по обе стороны от него. Ступени стерегли не львы или грифоны, а две бронзовые совы, достававшие Лавинии до пояса. Их перья от времени стали слегка зеленоватыми, а круглые глаза и заострённые клювы ярко блестели. Перед домом цвели несколько кустов роз. Лавиния не особо разбиралась в сортах цветов, но эти показались ей необычными; в конце концов, видеть сиренево-голубые розы или ярко-белые в оранжевую крапинку ей доселе не доводилось.

Она с уважением кивнула совам, поднялась по ступенькам и постучала молотком в виде изящной женской руки. Судя по тому, что дверь открылась моментально, загадочная девушка по имени Андреа посетительницу ждала.

– Проходите, – сказала она и зачем-то выглянула за спину госпожи Редфилд, словно проверяла, не следили ли за гостьюей.

– По-моему, никого не интересовал маршрут моей прогулки, – сказала Лавиния. – Я бы почувствовала.

Следом за юной хозяйкой она прошла в гостиную и села в кресло, с любопытством оглядываясь.

Ей показалось, что дом этот когда-то любили, ухаживали за ним и старались украсить, а потом... Потом не то хозяйки не стало, не то она потеряла к этому интерес. На полках лежала пыль, люстра была укутана белым полотном, да и чехлы сняли всего с двух кресел. Во второе опустилась Андреа, в упор поглядела на Лавинию и прямо спросила:

– Итак?

– Господин Тезье работал на меня. Его смерть показалась мне... несвоевременной, а ваше появление на кладбище – слишком эффектным, чтобы оказаться случайностью.

– Ну, оно и не было случайным, – улыбнулась девушка одними губами.

– Кроме того, было ещё кое-что, чего не должно было быть, – продолжала Лавиния.

– Так называемая вдова?

– Именно. Не знаю, в курсе ли вы, кто я такая, помимо того, что хозяйка «Лаванды»? Ага, значит, нет. Я командер Службы магической безопасности Галлии, и это моя основная работа.

– А есть дополнительная? – Андреа явно заинтересовалась.

– Есть. Ещё я преподаю в Коллеже Сорбонны, моя специальность... ну, скажем в общем, расследование преступлений, совершённых с помощью магии.

– И вы считаете, что в смерти Клода Тезье есть что-то подозрительное?

– Вы же тоже так считаете. Поэтому, прежде чем открыть дело, я должна знать обстоятельства, действующих лиц и их побудительные мотивы. Откуда вынырнула вдова, если Клод развёлся много лет назад? Оставил ли он завещание, и если да, то что в нём написано? Кто забирался в мой дом и шарил на втором этаже? Кто вы такая и какое отношение имели к господину Тезье? – она загибала пальцы, наблюдая за девушкой.

На интерес командера к вдове та слегка усмехнулась, о завещании – легко кивнула, слова о таинственном воре заставили её глаза слегка расшириться, ну, а после вопроса о её личности Андреа откинулась на спинку кресла и сложила ладони на коленях.

– Я согласна, – сказала она просто. – Что вы хотите знать?

– Первый вопрос я задала минуту назад.

– Ну что же... Меня зовут Андреа Монтанари. Нетрудно догадаться, что отец мой был родом из королевства Лаций. Точнее, из Ломбардии, из Бергамо. Впрочем, я его не знала, вернее, не помню: когда мне было два с небольшим года, ма-

ма развелась с ним и уехала сюда, к бабушке.

– Сколько вам лет сейчас?

– Двадцать четыре, – Андреа слегка улыбнулась. – Я знаю, что выгляжу младше. Иногда это удобно, а иногда нет. Например, в университет мои документы не сразу приняли, только после сличения аурограммы в паспорте с моей аурой.

– Какой университет вы закончили? – Лавиния ещё в начале разговора незаметно сжала в кармане записывающий кристалл, и теперь слегка беспокоилась, что ёмкости его не хватит на весь разговор.

– Лугдунский. У меня странные магические способности, есть все четыре стихии, но все очень слабые, от двенадцати до восемнадцати единиц.

– Бытовая магия, – кивнула госпожа Редфилд. – Да, в этом случае Лугдун – отличный выбор. И когда вы его закончили?

– Три года назад.

– Хорошо, давайте вернёмся к вашему детству. Вы сказали, что ваша матушка переехала сюда, потому что здесь жила её мать, ваша бабушка.

– Да, в этом самом доме. Он вообще довольно старый, первому этажу уже больше трёхсот лет. Но, конечно, его много раз перестраивали и перетделывали. У мамы магии не было, а бабушка владела стихией земли, и довольно сильной. Она выращивала растения...

– О, те розы перед домом – это её разработка?

– Её, – девушка снова заулыбалась; Лавинии вообще пока-

залось, что та совершенно успокоилась и отвечает на вопросы куда охотнее, чем в самом начале. – Ну вот, мы прожили здесь восемь лет, а потом мама собралась и уехала в Женеву. Моментально, в один день. И виновата в этом та дрянь, которая сегодня изображала из себя скорбящую вдову! – тут в голосе её зазвенели слёзы, она замолчала и сделала глубокий вздох.

Потом вздёрнула подбородок:

– Я совсем забыла о долге гостеприимства. Боюсь, предложить обед я не в силах, но бокал вина или чашку кофе...

– Благодарю. Давайте продолжим, у меня на сегодня большие планы.

Лавиния опасалась, что улыбается она примерно так же, как улыбался бы крокодил, завидевший жертву в пределах досягаемости своих челюстей, но поделаться с собой ничего не могла. О, да, планы у неё были! Нотариус, мэр, вдова – в этом порядке или в любом другом. Никто не смеет поднимать руку на то, что принадлежит семье Редфилд, а Клод Тезье ей принадлежал.

– Хорошо, – кивнула Андреа. – Эту женщину звали тогда Луиза Камуан. Клод вернулся в Жансон в две тысячи сто шестьдесят шестом...

– То есть, вам было четыре года?

– Да. Его отец был жив и здоров, служил управляющим в «Лаванде», а Клод стал начальником городской стражи.

– Простите, что всё время вас перебиваю, но я не совсем

поняла: он приехал в город и сразу был назначен на такую должность?

Андреа улыбнулась.

– Мне было четыре года, так что я не слишком интересовалась такими деталями. Но у него с моей мамой завязались... отношения. Они стали поговаривать о свадьбе, но она всё колебалась, говорила, что уже обожглась однажды и не хочет повторения. Потом вроде бы смягчилась... Понимаете, это тянулось довольно долго, но я-то не сомневалась ни минуты. Как бы странно это ни звучало, Клод Тезье был моим лучшим другом, и оставался им до самой своей смерти. Меня не волновало то, что он женился на Луизе, а не на моей маме... Нет, неправда, – перебила девушка сама себя. – Волновало, конечно. Но было неважно. Простите, я путано объясняю...

– Нормально, я поняла. У вас с ним были свои отношения, и появление Луизы Камуан их не испортило.

– Нет, не испортило. Ни её появление, ни наш с мамой переезд в Женеву. Мы переписывались, а потом, когда у меня появился личный коммуникатор – разговаривали, иногда подолгу. Мама делала вид, что ничего об этом не знает, даже не догадывается. Пока я была совсем маленькой, он со мной играл и учил меня драться, мы ходили удить рыбу и ездили к вам в «Лаванду» собирать виноград. Потом стал помогать мне с математикой, она плохо давалась. Когда его брак с Луизой закончился – довольно быстро, они и года вместе не

прожили! – я думала, что мама его простит...

– Не простила? – в голосе Лавинии прозвучало искреннее сочувствие.

– Нет. Наверное, если бы у неё было больше времени, в конце концов она бы сменила гнев на милость, но её не стало шесть лет назад. Я как раз закончила первый курс...

– Болезнь?

– Нет, несчастный случай. Взорвался осветительный кристалл, и один из осколков попал ей в шею, в какую-то артерию. Она почти мгновенно истекла кровью.

Лицо девушки почти не изменилось, но руки она сжала так, что костяшки побелели. Госпожа Редфилд не стала сейчас говорить о том, что осветительный кристалл не может взорваться практически никогда, для этого нужно совершенно дикое стечение обстоятельств: сперва она всё проверит, а уж потом...

– Понятно, – произнесла она после недолгого молчания. – И сейчас вы приехали сюда?...

– Пришлось, – Андреа усмехнулась, явно овладев собой. – Бабушка поехала к сестре, в Нувель-Орлеан. Там живёт её сестра-близнец, и они решили вместе отметить своё столетие поездкой по Империи Новый Свет. А потом планируют всласть попутешествовать уже по Галлии, Лацию, Элладу, Дойчланду, заедут в Бритвальд. Но цветам не объяснишь, что у хозяйки юбилей, поэтому я оставила работу и вот... Сегодня с шести утра поливала, удобряла и рыхлила.

– С господином Тезье вы встретились?

Девушка помотала головой.

– Не успела. Он собирался приехать в Жансон двадцать шестого...

* * *

Выйдя на улицу Ла Рош, Лавиния почесала в затылке... «Итак, нам нужен план. Нотариус, вдова, мэр... А ещё здешний врач, который осматривал тело, и городская стража. Подозреваю, что отделения Службы магбезопасности в Жансоне нет, слишком уж маленький городок. Интересно, сколько вообще тут магов? – она повернула в сторону центра города по мощёной булыжником улице. – Нотариус наверняка работает до пяти, с него и нужно начинать. Сейчас уже почти четыре часа... Тьма, опять я обед пропустила! Ну ничего, отыграюсь на ужине у мэра. Интересно, удалось ли Марджори что-то узнать? – секретарше она поручила собрать у всех, кто работает в поместье, максимальное количество информации о жизни и смерти Клода Тезье. – Конечно, с медиком надо было поговорить ещё вчера, готова поставить бутылку лучшей аква-виты против кружки кислого молока, что вскрытие не сделали... Эх, старая ворона, как же я прошляпила?»

Долго предаваться самобичеванию она, разумеется, не стала. Кто ж мог предположить ещё вчера, что со смертью

управляющего {настолько} всё не в порядке?

Дом городского нотариуса, господина Дюрока, находился в тихом переулке совсем рядом с мэрией. Было в нём два входа – на левой двери было написано, что это частное владение, а возле правой висела табличка, извещавшая, что мэтр Ансельм Дюрокведёт приём с десяти утра до четырёх часов дня и исключительно по предварительной записи. Лавиния тихонько выругалась: до четырёх оставалось каких-то пятнадцать минут. Поднявшись по ступенькам, она вошла и оказалась в небольшой приёмной, где и помещались-то только стол со стулом и скамейка напротив. За столом сидела девица, смотрелась в зеркальце и тщательно красила губы алой помадой. На посетительницу она взглянула с некоторым пренебрежением, вскинула брови и хотела что-то сказать. Госпожа Редфилд подобных секретарей на дух не переносила, поэтому щёлкнула пальцами, бросив на девицу пятиминутное молчание, и спокойно прошла к солидной дубовой двери кабинета.

Мэтр Дюрок тоже не тратил зря последние рабочие минуты: он как раз поднёс к губам серебряную чарку, в которую точно был налит не компот. При появлении незваной гостью рука его дрогнула, и на лаковую поверхность стола плеснулась капля тёмно-коричневой жидкости. «Келимас!» – поняла Лавиния.

В отличие от девицы с помадой, нотариус моментально

посетительницу узнал, да и госпожа Редфилд вспомнила, что он подходил к ней на кладбище.

– Да вы пейте, пейте, мэтр, – усмехнулась она. – Прошу простить, что вломилась к вам под самый конец работы, но...

– Ну что вы, госпожа баронесса! – замахал пухлой ручкой нотариус. – Я всё понимаю! А могу я предложить вам присоединиться?...

– А давайте!

Келимас был хорош, лимон к нему порезан тонко, шоколадные конфеты, которые мэтр достал из своего стола, тоже оказались не лишними... Лавиния прислушалась к тому, как прокатилась по телу тёплая волна, и благосклонно кивнула.

– Отличный напиток, мэтр!

– С моего собственного виноградника, мадам! – просиял тот. – Но... к делу. Предполагаю, что вы хотели узнать, у меня ли завещание господина Тезье?

– Ваша проницательность делает вам честь, мэтр Дюрок.

– У меня. Конечно, оглашение его назначено на послезавтра, но я думаю, мы с вами никому не скажем о таком небольшом нарушении, – говоря всё это, хозяин кабинета открыл книжный шкаф, вынул несколько толстых томов, за которыми обнаружилась дверца сейфа.

Со щелчком она отворилась, открыв взгляду две полки, плотно уставленные разноцветными папками. Нотариус вытащил лиловую, довольно тонкую, и положил на стол. На обложке было крупно написано «Семья Тезье».

Выходила Лавиния успокоенная: ничего неожиданного в завещании не было. Слава всем богам, никакая вдова там не упоминалась, а банковский счёт – не такой и большой, к слову – после выплаты мелких сумм доставался госпоже Монтанари. То есть, Андреа.

Глава 2

Дорогу до городской стражи искать не пришлось, участок традиционно располагался справа от мэрии. У входа дремал усатый сержант, который вскочил и поприветствовал подошедшую Лавинию по всей форме.

– Здравия желаю, госпожа командер!

– Вольно, сержант, – кивнула она. – Начальник на месте?

– Так точно! Второй этаж, направо, самая дальняя дверь.

«Ага, значит, обо мне здесь уже знают... Надо полагать, здешний командир тоже был на похоронах, а уж кто владеет „Лавандой“, наверняка Тезье рассказывал».

Всё оказалось ещё лучше: капитан Кальвебыл близким другом управляющего, и госпожу Редфилд встретил самым сердечным образом.

– Скажите, капитан, вам смерть Клода не показалась несвоевременной? – спросила она, устроившись на стуле и отказавшись от кофе, чая и вина.

– Показалась, госпожа командер, – кивнул Кальве. – Сорок шесть – не возраст для мага, пусть и слабосилка. Правда, мы довольно давно не виделись, летом у него всегда было много дел в поместье. Пожалуй, с середины мая, да...

– Полтора месяца, понятно. Ну, я не приезжала сюда вообще больше двух лет, но и мне кажется, что что-то здесь не так. Вскрытие делали?

– Да.

– И что там?

– Ничего, – мрачно ответил капитан, достал из ящика стола и протянул Лавинии два листа бумаги. – Читайте сами.

Она пробежала взглядом текст, вернулась к началу и вчиталась основательно, морщась от неизменной медицинской терминологии. Но со словами начальника городской стражи пришлось согласиться, действительно в протоколе вскрытия не нашлось ничего, к чему можно было бы придраться. Сердечный приступ, жара, Тезье был один, поэтому остался без помощи.

– Где и кто его нашел? – она отложила протокол.

– В винограднике. День был очень жаркий, но Клод хотел сам проконтролировать, как идут дела. Там вот, среди лоз, он и лежал. Мальчишки наткнулись, шли вечером на рыбалку, ну, и срезали путь через виноградник.

– Он когда-нибудь жаловался на сердце?

Кальве пожал плечами.

– Он вообще ни на что никогда не жаловался. Если мог сразу исправить какую-то ситуацию – исправлял. Если нет – искал способы.

Лавиния вздохнула. Без управляющего ей придётся туго, пока она найдёт нового, пока он войдёт в курс дела... Кажется, отпуска в этом году ей не видать, как своих ушей. И всё равно, второго такого как Клод Тезье, не будет.

– Надо поговорить с патологоанатомом, который делал

аутопсию, – проговорила она задумчиво. – Может быть, какая-то деталь, которой он не придал значения...

– Ну, патологоанатома у нас нет, вскрытием занимался городской маг-медик, доктор Нильсен. Мог, конечно, и пропустить какую-то мелочь, для живых-то он врач – лучше не придумаешь, ну, а к мертвецам нужен иной подход.

– Вдова ещё эта... – Лавиния поморщилась, вспомнив валансьенские кружева. – Кто-то ведь ей сообщил о смерти бывшего мужа, сразу прискакала. Где она живёт, кстати?

– Да далеко не уезжала, перебралась после развода в Арль, там и осталась. Кто-то сообщил, да, – и капитан разглядел сивые пышные усы.

– Хорошо, – госпожа Редфилд постучала пальцами по столу. – Ужинаю я сегодня у мэра, попытаюсь там выяснить кое-какие подробности о жизни города вообще и связях Луизы Камуан в частности. Завтра состоится поминальный обед в «Лаванде», рада буду видеть вас. А сейчас скажите мне, как найти доктора Нильсена?

– А что его искать, он сейчас внизу, в караулке, руку вправляет капралу Мартену. Бассо! – гаркнул он неожиданно, так что Лавиния чуть не подпрыгнула; впрочем, в кабинет почти сразу заглянул невысокий стражник с сержантскими нашивками. – Бассо, попроси доктора Нильсена, как закончит, подняться ко мне.

– Слушаюсь, капитан! – и сержант Бассо исчез.

– Так, о чём мы говорили? – Кальве потёр лоб. – Ах,

да, поминальный обед – буду, госпожа командер, почту за честь. А у мэра мы с вами вечером увидимся, на ужин-то он и меня пригласил, и мэтра Дюрока, и отца Андре, и доктора...

Нильсена долго ждать не пришлось. Не прошло и пяти минут, как в дверь без стука вошёл очень высокий, очень худой мужчина со светлыми волосами и серыми глазами. Выглядел он так, что, даже не слыша фамилии, Лавиния смогла бы догадаться, что он уроженец королевства Дании и Нордхольма. И как его занесло на жаркий галльский юг, в Провенс?

Кивнув капитану, Нильсен повернулся к даме.

– Познакомься, Свен, это командер Редфилд из Службы магбезопасности. Она же – хозяйка «Лаванды», где служил управляющим Клод Тезье, – представил её Кальве.

– Раз знакомству, – лаконично ответил доктор и пожал протянутую руку. – На похоронах быть не мог, операция затянулась. Ну, зато всё успешно, старик Ландри ещё лет двадцать сможет изводить окружающих своим мелочным занудством.

– Ему положено, он юрист, – капитан спрятал усмешку в усах.

– Я прочла протокол вскрытия, доктор, – Лавиния взяла разговор в свои руки.

– И что? Вас что-то не устраивает?

– Нет-нет, всё отлично. Но... вы сами знаете, бывает, что какая-то деталь, какая-то мелочь была вами отмечена, но показалась слишком незначительной, чтобы упоминать в про-

токоле. Подумайте, постарайтесь вспомнить. Вы маг, возможно, вы ощутили неправильный, нехарактерный магический фон, или остатки ауры были нехарактерно окрашены?

Нильсен прищурился.

– Вы подозреваете воздействие?

– Да.

– Тогда дайте подумать...

В кабинете воцарилась тишина. Слышно было, как мальчишки на площади играют в мяч, как сержант у входа в участок прощается с закончившими смену стражниками, как орёт дурным голосом кошка...

– Тьфу, – с досадой проговорил капитан. – Опять у мэра в саду павлины разорались!

– Я думала, это коты, – рассмеялась Лавиния.

– Нет, они так громко не могут. Павлинов завёл Брюссоло, вернее, его жена. Для красоты, говорит. А мы вот слушаем...

– Было кое-что, – сказал вдруг Нильсен. – Магического фона, конечно, не сохранилось, времени прошло слишком много. А остатки ауры я увидел. И в зоне сердца были нехарактерные, тёмно-багровые тона. Так-то Клод был магом земли, поэтому цвета ауры у него были спокойные, желтовато-коричневые. Я счёл это последствием инфаркта, но, если подумать... Если инфаркт был магически спровоцирован...

– Ещё что-то?

– Ещё? Понимаете, господин Тезье не был моим пациен-

том, я видел его два-три раза в год, когда приезжал в поместье к больным. Он никогда не жаловался на здоровье, да и не было заметно никаких признаков сердечного заболевания, или, допустим, гипертонической болезни. Ни одышки, ни бледности, ни синеватого цвета губ или ногтей. И если был применён некий артефакт... На человека здорового он мог подействовать сокрушительно. Знаете, в старые времена инфаркт называли «разрыв сердца». Ну вот то, что я наблюдал, примерно так и выглядело.

– Понятно...

– Очень досадно, что меня не было в городе в тот день. Вдруг бы я сумел помочь господину Тезье?

– Это вряд ли, – сухо сказала Лавиния. – Его нашли, когда уже поздно было что-то делать. Разве что вы пошли бы туда с ним вместе.

Нильсен встал.

– Прошу меня извинить, но я должен вернуться в клинику. Через полчаса начало приёма.

– Спасибо, доктор, – поднявшись, капитан обменялся с ним рукопожатием.

Лавиния сказала вдогонку:

– Завтра поминальный обед в «Лаванде», буду рада, если вы выкроите время.

– Постараюсь, – ответил Нильсен уже от дверей. – Мне как раз надо осмотреть госпожу Фош, её беременность протекает не вполне стандартно.

И он исчез.

Госпожа Редфилд повернулась к Кальве.

– Последний вопрос на сегодня, и я освобожу вас от своего присутствия.

– Я уверен, до вечера вы придумаете дюжину новых, – и он снова улыбнулся в усы.

«Чертовски удобная штука, чтобы спрятать усмешку, – подумала Лавиния. – Жаль, что мне не удастся таким украшением обзавестись...»

– Правильно ли я понимаю, что вы сменили Клода Тезье на посту начальника городской стражи?

– Совершенно верно. Дела были поставлены идеально, команда работала как часы. При мне они слегка разболтались, должен сознаться. Ну, так у меня и такой биографии военной нет, я всю жизнь в страже.

– Ага... Вот как раз об этом я и хотела спросить. Что вам известно о жизни Клода до того, как он вернулся в Жансон и стал начальником стражи?

– Да немного, честно говоря. Знаю, что он служил с восемнадцати лет в Легионе, а в две тысячи сто шестьдесят шестом был ранен, вот и приехал в родные места. Ему тогда было почти тридцать – молод, конечно, для капитанского звания и должности, но, видно, знали его наверху, никто и не возражал.

– Восемь лет в Легионе... – проговорила Лавиния задумчиво. – Не так и много, хотя, конечно, смотря где. Это зна-

чит, что до окончания второго контракта он не дослужил два года, верно? А подробности ранения нам известны?

– Увы, – Кальве развёл руками. – Он не говорил, а я не стал спрашивать. Не всякий любит о таком рассказывать. Так что, госпожа командер, раз убийство предположительно было совершено с применением магических средств, вы теперь дело-то у нас заберёте?

– Да зачем же? – слегка удивилась она. – Отделения магбезопасности в городе нет, новым людям нужно будет включаться в дело, тратить на это время... И потом, мне кажется, мы с вами сработаемся, а? Я буду заниматься предполагаемым артефактом и магической стороной истории, а вы – обычной жизнью господина Клода Тезье, управляющего имением «Лаванда», разведённого, предположительно не имеющего детей, сорока шести лет от роду.

– Принято, госпожа командер! – и они обменялись рукопожатием.

– Да, последний вопрос: вспомнила госпожа Редфилд. – Я бы хотела посмотреть протоколы осмотра тела и осмотра места происшествия. Там вообще есть что-то?

И снова Кальве развёл руками.

– На мой взгляд – практически ничего. Земля сухая, следов ног не осталось. Нашли его к вечеру, так что и аурные следы успели рассеяться, если они вообще оставались. Артефакт-то магический фон изменил...

– А артефакт этот самый не обнаружили?

– Нет. Сами понимаете, если он и был, так мог рассыпаться в пыль после того, как сработал, или вообще – истратил магический заряд и превратился в обычный предмет. Какую-нибудь монетку, медальон, камушек.

– То есть был одноразовым, а значит, не артефактом, а амулетом, угу... Ну что же, мне пора, – Лавиния встала. – До времени, назначенного господином Брюссоло, осталось чуть больше двух часов, а мне нужно привести себя в порядок.

– Вечернее платье с корсетом?

Госпожа Редфилд снова подумала о том, какая удобная штука – усы.

– Ну да, конечно! Хотя бы принять душ и причесаться.

За окном снова истошно заорал павлин.

* * *

Марджори внимательно выслушала информацию об ужине у мэра и спросила:

– Я могу отказаться?

– Конечно.

– Тогда я бы не хотела принимать в этом участие. Ну его к тёмному, этот светский визит. Местные нувориши и хозяйева города... Я лучше поужинаю и посплетничаю с мадам Тома. Днём она была занята, ни на минуту не могла оторваться от кастрюль и разделочной доски.

– Или не хотела...

– Или не хотела, – согласилась секретарша. – Но вечером, за рюмочкой настойки...

– Ладно. Оставайся.

– У тебя есть, что надеть?

Лавиния фыркнула.

– А что, меня это должно волновать? Довольно будет свежей рубашки. Ах, да, ещё я обещала здешнему капитану городской стражи, что причешусь!

* * *

Гостей у мэра было несколько больше, чем Лавиния рассчитывала.

С другой стороны, их так удачно собрали всех в одном зале! Чиновники, богатые землевладельцы, городские функционеры – те, без кого город не может жить. Доктор Нильсен и капитан Серж Кальве, настоятель храма всех богов отец Андре и нотариус мэтр Дюрок... Глава местной эльфийской общины господин Элларонраскланялся издалека: не хочет подходить, и правильно, не прошло и сотни лет, как они столкнулись лбами в одной истории с неожиданно счастливым концом... Понятное дело, могли ли эльфы пройти мимо плантаций лаванды? Никак не могли, и Элларон выполняет поручение Властителя Серебряного леса вот тут, среди идиллических лиловых полей и виноградников.

Ну, зато дамы из женского комитета, помявшись, высла-

ли к госпоже Редфилд парламентаря с не совсем обычной просьбой: не согласится ли она посетить их чаепитие в городской библиотеке? Придут девочки, заканчивающие лицей, возможно, рассказы прославленной госпожи командера натолкнут их на правильный выбор пути? Мало что в мире Лавиния любила меньше, чем беседы с подрастающим поколением, так что пообещала найти свободное время как-нибудь... и скрестила за спиной пальцы.

Аперитив подали в трёх гостиных, соединённых анфиладой. Пригубив шампанское, госпожа Редфилд отошла в сторону и стала разглядывать гостей. Рядом остановился Нильсен, отсалютовал бокалом и спросил:

– Ищете жертву?

– Скорее, оцениваю информативную пользу этой охоты. С кого бы вы начали разговор?

– Хм... Возможно, с баронессы де Брие? Неформальная глава дамского общества, маг-водник, много лет работавшая на правительство его величества, очень умна. Ну, правда, стесняться чего бы то ни было разучилась ещё в детстве и иногда любит развлечься, ставя в неловкое положение произвольно выбранную жертву.

– Интересно. Ещё?

– Госпожа Брюссоло.

– Жена мэра, владелица павлинов?

– Именно. Дама со странностями, но отличается редкой наблюдательностью. И не склонна выдумывать, оперирует

только фактами, успешно выворачивая их в удобную сторону.

– Тоже вариант. А поглупее кого-нибудь нету?

– Как не быть! Вон, видите, пара, беседующая с отцом Андре? Маркиз Кассунель и его супруга. Так богаты, что могут себе позволить не соображать вообще ничего. Зато обладают отличной памятью и воспроизводят услышанное и увиденное, словно записывающие кристаллы.

– Неплохо, – кивнула Лавиния.

– А поскольку отец Андре будет благодарен вам за спасение, я бы советовал потом поговорить с ним. Почтенному священнику Пантеона известно всё, происходящее в Жансоне и его окрестностях, но вот захочет ли он поделиться сведениями – зависит от вас. О, сюда идёт мадам Люсиль Леруа, главная городская сплетница! Я исчезаю. Только не забудьте всё, что скажет милейшая Люсиль, разделить на два. Или на двадцать.

И господин Нильсен действительно исчез, словно и не стоял только что вот тут, возле голубой портьеры из шёлковой тафты.

Мадам Леруа была немолодой, толстой, одышливой блондинкой в довольно строгом тёмно-лиловом платье и немилосердно роскошных аметистах везде, куда можно было пристроить украшение: в ушах, на шее, в причёске, на груди... Даже кисточки на поясе, завязанном под грудью, были аметистовые. Двигалась она с напором сухогуза, может, и не

слишком быстро, но целеустремлённо. Лавинии даже захотелось последовать примеру доктора Нильсена и слиться с голубой шторой. Но открывать портал прямо здесь, в зале, было бы невежливо, а исчезать в тенях она не умела. «Кстати, – промелькнуло в голове, пока она улыбалась даме, – неужели Нильсен – некромант? Больше никто не умеет ходить тенями. Первый раз в жизни встречаю некроманта-медика. Я-то думала, что он водник или маг жизни...»

– Добрый вечер, госпожа командер, – блондинка в лиловом склонила голову.

– Добрый вечер, мадам Леруа, – Лавиния вернула поклон.

– Как вам здешнее общество?

– Честно говоря, я ещё не успела присмотреться.

– О, этот сплетник наверняка обо всех нас всё рассказал!

«Забавно, а доктор называл сплетницей как раз вас, мадам!»

Разумеется, вслух госпожа Редфилд этого не сказала, просто улыбнулась.

– Ну что вы, мы говорили исключительно по делу. Вы ведь знаете о смерти Клода Тезье, моего управляющего? Не помню, чтобы я видела вас на похоронах, надеюсь, вы приедете завтра в «Лаванду» на поминальный обед?...

– Ох, госпожа командер, – мадам Леруа поджала губы. – Знакома я с господином Тезье была мало, но такое ужасное событие... Ведь совсем молодой человек! А на похоронах я действительно не была, – Лавиния подняла бровь, и пожилая

дама сказала со вздохом, – Я не в самых лучших отношениях с бывшей мадам Тезье.

– Ну, я её и вовсе не знаю...

– Ничего, ещё познакомитесь. Думаю, сегодня её не будет, господин Брюссоло не настолько выжил из ума, чтобы её пригласить, но завтра, вот увидите, она явится на поминальный обед, как ни в чём не бывало.

– Поскольку устраиваю его я, надеюсь, вы придёте. Думаю, у нас найдётся о чём поговорить!

Обменявшись улыбками, дамы расстались, и Лавиния поискала взглядом отца Андре. Ага, вон его белый балахон... И маркиз Кассунель рядом, отлично.

В поместье Лавиния вернулась поздно, уставшая, голодная и злая, как шершень. Марджори, поглядев на свою работодательницу, только вздохнула.

– Пойдём-ка на кухню, – сказала она. – Мадам Тома оставила для тебя настоящий провенсальский доб¹). Вина принести?

– Спрашиваешь, – фыркнула госпожа Редфилд. – Давно я так бездарно не тратила время! Да ещё и еды толком никакой не было, таралетки какие-то. Не понимаю, почему это

¹ Доб – классическое блюдо Провенса, тушёная говядина крупными кусками, обычно от шеи, которая готовится в специальной керамической кастрюле (добьер) с помидорами, маслинами, луком, морковкой и травами. В идеальном варианте мясо маринуют вместе с овощами в красном вине в течение суток, тушат три часа, оставляют до завтра и тушат ещё три часа.

называлось ужином...

После солидной порции мяса и бутылки вина, разделённой с секретаршей, Лавиния почувствовала себя куда лучше. Настолько лучше, что на вопрос Марджори о том, с кем и о чём удалось поговорить, не выругалась, а только махнула рукой.

– Вроде бы и со всеми, кто должен был знать Клода, я так или иначе побеседовала, но ничего полезного пока не узнала. Ну, или не поняла, что это именно оно, полезное! Все говорили, какой он был прекрасный человек, все в один голос ругали Луизу Камуан, все удивлялись столь ранней кончине. Чтобы кто-то всерьёз врал, я не заметила, но как проверишь? Прочитать мысли я могу лишь при прикосновении, и не мгновенно. Не могла ж я всех хватать... С другой стороны, кто-то ведь сообщил этой женщине о смерти Клода практически моментально, раз она появилась в «Лаванде» на следующее утро.

– И этот кто-то был наверняка из города, – кивнула Марджори. – Сообщить могли только магвестником, а в поместье никто не владеет магией настолько, чтобы его отправить.

– Или тщательно это скрывает.

– Или так, не буду спорить. Но скрытое ты, как обычно, обнаружишь. А пока поверим мадам Тома, она-то каждого в «Лаванде» знает до последнего волоска. По её словам...

– Погоди-ка, – прервала её Лавиния и щёлкнула пальцами, ставя полог от подслушивания. – Можешь считать меня

параноиком, но я слышала какой-то шорох за окном. Вот теперь рассказывай.

– Лучше быть живым параноиком, чем мёртвым идеалистом, – Марджори очень по-галльски пожала плечами и вернулась к рассказу. – Так вот, по словам мадам Тома, среди тех, кто здесь работает, люди в основном приличные и честные. Есть, конечно, и с гнильцой...

– Это она так сказала?

– Именно! Но гнильца эта, она, как бы сказать... Другая. Один из виноградарей не знает меры в выпивке, другой скверно себя повёл с девушкой. Есть супружеская пара, где жена не может удержаться и не гульнуть от мужа, а он её потом колотит. Но это всё другая история, простая, как табуретка.

– Понимаю. У того, кто положил в карман Клоду Тезье амулет, разорвавший его сердце, куда более изощрённый ум.

– Вот! Именно – изощрённый ум. А если он притворяется более простым...

– Невозможно притворяться двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, – допив вино, Лавиния встала. – И, как только он на минуту приподнимет маску, мы его увидим. Что не отменяет обычную, ежедневную, рутинную работу. И завтра после поминального обеда я отправлюсь в Лютецию к командиру Легиона выяснять, кто такой Клод Тезье, и чего мы не знаем о его жизни.

На поминальный обед собралось народу даже больше, чем на похороны. Уходя из особняка мэра города Жансон, госпожа Редфилд передала ему порталный кристалл.

– Предупредите всех, кто решит не связываться с экипажами, чтобы попросту собрались у вас. Кристалл настроен на «Лаванду», довольно будет сжать его и проговорить активационную фразу.

– Да, госпожа командер! – похоже, только сейчас до господина Брюссоло дошло, что разговаривает с ним не только владелица самого крупного поместья в окрестностях его города и командер Службы магбезопасности, но и баронесса, и профессор Коллежа Сорбонны, и доверенный маг его величества...

А он-то собирался слегка подзаработать на предоставлении экипажей для тех, кто отправится на поминальный обед! Ох, не иначе, Великая мать его, дурака, остановила... Мэр сглотнул и молча поклонился.

Наверное, около восьми десятков гостей уселось за длинные столы в парадном дворе поместья «Лаванда». От палящего солнца их закрывал белый шатёр, который бесценная мадам Тома накануне отыскала в кладовых.

– Полвека под заклиниванием пролежал, – сказала, она,

встряховавая плотную ткань. – Свадьбу господина Эжена тогда праздновали. Конечно, когда сын его женился, здесь не отмечали. Клод и Луиза расписались в мэрии и уехали в свадебное путешествие, вот и всё.

– Мадам Тома, неужели вы помните свадьбу предыдущего управляющего? – простодушно восхитилась Марджори.

– А чего ж не помнить? – та равнодушно пожала плечами. – Мне тогда, конечно, лет было немного, но мозги-то были. Так что, ваша милость, госпожа баронесса, что подаём-то?

– А что положено? – поинтересовалась Лавиния.

– Так пирог! Пирог луковый – писсаладьер, и свиные колбаски с рататуем.

– Вот их и подадим. Найдётся у мясника достаточное количество этих самых колбасок?

– Найдись-то найдётся, да если б самой сделать, вышло бы вполовину дешевле, – мадам Тома вздохнула так тяжело, словно в каждую колбаску вкладывала собственные деньги.

– Угу, а потом вы бы свалились без сил, – госпожа Редфилд нахмурилась. – Значит, так: наймите помощниц, сколько нужно, пусть лук режут и тесто месят. И отправьте посыльного к мяснику, пусть возьмёт пару сотен этих самых колбасок. Лишними не будут. Что ещё?

– Ну, муки и масла у нас довольно, вина тоже хватит и ещё останется, – стала рассуждать мадам Тома, ощутив под ногами твёрдую почву.

Лавиния прервала её нетерпеливым жестом.

– Вот, возьмите! – несколько тяжёлых замшевых мешочков упали на стол. – Здесь пятьсот двойных дукатов, полагаю, этого хватит на всё. Если будет мало, пусть предоставят мне счёт.

Мадам Тома посмотрела на деньги, на хозяйку, и отодвинула мешочки.

– Нет, ваша милость, так не пойдёт. Мясник и зеленщик, как положено, счета выставляют, вы их проверите, а уж потом заплатим. А то кое-кто прямо голову теряет, только завидит наличные. Нечего их баловать.

Поминальный стол под руководством бесценной кухарки устроили по старинным правилам: ничего сладкого, кроме изюма и порезанного полосочками вяленого инжира, общие блюда с пирогом на десять гостей, общая глубокая глиняная миска с рататуем и сковорода с колбасками. Красное вино из кувшинов наливали не в бокалы, а в простые пикардийские стаканы. По тем же правилам, долго рассиживаться не полагалось: должны были сказать своё слово о покойном минимум трое, максимум пятеро знакомых, причём в числе их непременно оказывался священник, почтовый служащий и ближайший сосед.

«Почему священник – понимаю, – думала Лавиния, глядя из-под ресниц то на одного, то на другого из гостей. – Почему сосед – тоже понятно, самые жестокие свары могут воз-

никнуть именно между соседями. А почему почтарь? Центр сплетен? Надо будет спросить об этом мадам Тома...»

Тут отец Андре поднялся, и шум за столом затих.

– Мы прощаемся сегодня с Клодом Тезье, – сказал священник, и его сильный голос, казалось, отразился от свода шатра, словно от сводчатых потолков церкви. – Знаете, человек различает до ста пятидесяти оттенков цвета, маг – до трёх тысяч; эльфы – до двенадцати тысяч. Гномам повезло меньше, ну, или больше, как считают они сами; для них мир окрашен семью десятками цветов и оттенков. Да, мир разноцветен! Но иногда полезно, как в детстве, делить его на чёрное и белое. Правильно – неправильно, умно или глупо, тьма или свет, хороший или плохой. Так вот, Клод Тезье был однозначно хорошим человеком. Мне жаль, что он ушёл так рано...

Он пригубил вино и сел.

Следующим выступал мэр, в качестве ближайшего соседа. От его речи Лавиния отключилась примерно на пятом слове, поняв, что ничего полезного всё равно не услышит. Впрочем, что полезного можно было бы узнать из слов на поминальном обеде? Да ничего... Надо отловить тех, кто вчера не был на ужине, и перекинуться парой слов до того, как будет открыт обратный портал. Или хотя бы договориться о встрече на завтра.

Тут она обратила внимание, что выступает уже не господин Брюссоло, а вовсе незнакомый, широкоплечий и борода-

тый гость. Включившись не с начала, госпожа Редфилд поймала лишь конец фразы о том, как широк был круг корреспондентов господина Тезье, из каких только необыкновенных мест ему не писали – от дожа Венеции, из Нувель-Орлеанской Школы магии, из Сиамы и из Царства Польского...

«Да, набор, действительно, впечатляющий... – нахмурилась она. – Обыкновенному управляющему небольшого поместья пишут мастер вуду из Нувель-Орлеана и канцелярия *Serenissimo Principe*? Как интересно! Вот с кем нужно непременно побеседовать. Я так понимаю, это служащий королевской почты из Жансона? И, судя по его виду, он гном или полугном? Это может усложнить дело, гномы сильно не любят просто так выдавать секреты. Даже если секреты эти никому не нужны более...»

– Господин Бренваленобычно неразговорчив, – негромко сказал сидевший рядом с Лавинией отец Андре. – Такое впечатление, что он искренне переживает кончину господина Тезье.

– Как с ним разговаривать, чтобы он согласился ответить на вопросы?

– Честно, – тут же отреагировал священник. – И лучше договориться заранее, он предпочитает планировать свою жизнь с точностью до минуты.

– Видимо, именно поэтому на него производили такое сильное впечатление корреспонденты Тезье, – предположила командер.

– Видимо, да.

– А с вами? С вами, отец Андре, как говорить, чтобы получить ответы? Вчера нам побеседовать не удалось...

– Вы не считаете эту смерть естественной?

– Нет.

Слово упало, словно тяжёлая плита.

– Что ж... Приходите послезавтра часа в три в Пантеон. У нас три священника разных конфессий, и как раз будет моё дежурство, если можно так выразиться.

– Приду. Постараюсь придти.

Лавиния выступать не стала; говорила – со слезами на глазах – Андреа Монтанари, потом один из мастеров виноградаря, и рефреном повторяли они сказанное священником: Тезье был хорошим человеком, без него мир будет чуточку хуже.

Наконец речи закончились, и где-то совсем рядом ударил колокол. Лавиния удивилась, потом сообразила, что в поместье есть часовня. На минуту ей стало стыдно, даже этого она не знала о «Лаванде», принадлежащей ей несколько десятилетий.

Те, кто прибыл на своих экипажах, пошли к ним, остальные постепенно исчезали в открывшемся порталном окне.

Поминальный обед по хорошему человеку Клоду Тезье окончился.

Оставалось ещё одно дело, которое никак нельзя было от-

ложить: разговор с Луизой Камуан. «Вдовой». За обедом Луиза сидела у дальнего конца стола, молчала, глядела в тарелку. После речи мэра встала и, стараясь оставаться незаметной, ушла в гостевой флигель.

Ясно, что оставаться в поместье ей незачем, да и не нужна она здесь Лавинии. Или нужна? Уедет, и ищи её потом...

«Ладно, – подумала госпожа Редфилд. – Будем сверлить по месту...»

Стучать во входную дверь флигеля она не стала. В конце концов, это её дом! Вошла, закрыла за собой дверь и прислушалась. Было так тихо, что можно было бы услышать шорох мышиных лапок. Ни движения, ни дыхания, ни единого звука, словно флигель совершенно пуст.

Здание это было небольшим, на первом этаже кухня, кабинет и гостиная, на втором – три спальни. Тем не менее, даже в те времена, когда управляющим был отец Клода, Эжен Тезье, места ему и его семье хватало. Одинокому же Клоду и вовсе было достаточно. В кабинете он работал, разговаривал с мастерами-виноградарями или с сезонными рабочими, нанятыми «на лаванду», кухней же не пользовался совсем, питался в главном доме.

Итак, где может быть Луиза? Госпожа Редфилд на всякий случай бросила на входную дверь запирающее закливание, потом закрыла глаза и раскинула поисковую сеть. Крохотные голубые огоньки внизу – это мыши на пустой кухне, а нам нужен жёлтый... Вот только жёлтого огонька, показывающе-

го, где находится человек, в доме не было.

Луиза Камуан успела скрыться.

– Тьфу! Вот же я старая ворона, нужно было первым делом её запереть... Ладно, ничего не попишешь. Где, говорила мадам Тома, эта дамочка поселилась после развода, в Арле? Вот и славно, значит, найдём её в Арле...

Не сходя с места, она отправила магвестник капитану Кальве, с просьбой выяснить у городской стражи Арля адрес Луизы Камуан, попросить коллег туда наведаться и зафиксировать указанную женщину в её доме до завтрашнего утра. Домашний арест, никаких ужасов.

Что ж, теперь её ждёт Лютеция, Легион и его командир, полковник Шарль Дюгесклен.

Глава 3

Легион занимал сравнительно небольшой особняк – Отель дю Ренн²) – на берегу Сены в Нейи, ближнем предместье Лютеции. Впрочем, большое здание в центре столице было бы и ни к чему: казармы, госпиталь, полигоны, в том числе тренировочный с особо прочным куполом, располагались в паре часов езды к северу от Лютеции, в окружении лесов. О куполе этом ходили легенды, что он выдержит даже прямой удар драконьим пламенем, во что Лавиния не верила. Хотя бы потому, что в последний раз дракона – огнедышашую неразумную ящерицу размером побольше коровы – видели лет триста назад, и то никаких достоверных подтверждений не осталось, только рассказы.

Отель дю Ренн был построен в форме буквы «П», центральная часть в три этажа, а боковые, крыльями обнимавшие мощёный двор – двухэтажные. По прямой обычной логике, кабинет главы ведомства должен был находиться в центральной части здания, на верхнем этаже. Но когда это в действиях Легиона прослеживалась логика? Он и силен своей абсолютной непредсказуемостью...

Поэтому Лавиния подошла к дежурному, представилась и

² Отель («Hôtel») – городской частный дом, занимаемый одной семьей во Франции. В нашем случае, Отель дю Ренн – особняк, когда-то принадлежавший семейству Ренн.

активировала печать на левой руке. Та засветилась зелёным, и дежурный офицер козырнул:

– Госпожа командер, вас ожидают. Суб-лейтенант, проводить!

Суб-лейтенант, невысокий, смуглый и очень гибкий, словно кошка или мангуст, вытянулся и щёлкнул каблуками. Потом отступил в сторону и показал... «Хм, странно!» Не на лестницу, а в боковой коридор, который в нормальном обычном доме вёл бы на кухню.

Кабинет Дюгесклена был в левом флигеле на втором этаже, и окнами смотрел в парк. Когда секретарь, хромой и седой, но с отличной выправкой, пригласил её внутрь, командир Легиона стоял у окна и смотрел в парк.

– Господин полковник, к вам командер Редфилд, – доложил секретарь.

– Спасибо, Бове, идите. Или вы хотите кофе, Лавиния?

– Пожалуй, нет, к кофе я всего лишь терпимо отношусь. А вот от чашечки чаю из вашей знаменитой коллекции не отказалась бы.

– Хорошо! Бове, накройте на столике, я сам заварю, – Дюгесклен криво усмехнулся.

Давнишний шрам искажал его левую щёку, получалась скорее не улыбка, а страшноватая гримаса. Впрочем, полковника это заботило мало, и убирать шрам магическими методами он не пожелал.

Госпожа Редфилд, не дожидаясь приглашения, уселась в

кресло и с любопытством стала наблюдать за действиями Дюгесклена. Знакомы они были давно, да и сложно было бы остаться не знакомыми двум столь важным лицам из окружения короля Луи. И о его коллекции самых лучших, самых ароматных, самых редких сортов чая она была наслышана, но вот попробовать один из этих напитков довелось впервые.

Чай был заварен, чайничек накрыт белоснежной салфеткой, бесшумно появившийся секретарь принёс вазочку с какими-то печеньями, а Дюгесклен всё возился у столика: согревал чашки, что-то шептал над заваркой, уменьшал нагрев под спиртовкой, гревшей воду...

– Ну и как? – спросил полковник у Лавинии, когда она допила последние капли золотого напитка.

В голосе звучал трепет, словно у художника, впервые показавшего законченную картину своему старшему собрату.

– Потрясающе! – ответила госпожа Редфилд со всей возможной искренностью. – Наверное, лучше я пила только однажды... Не обижайтесь, Шарль, это было у его величества Кристиана. Он ваш собрат по увлечению, но его коллекция несколько больше.

Дюгесклен снова усмехнулся.

– Ладно, с королём Бритвальда я конкурировать не стану. Итак, Лавиния, что вас привело в Отель дю Ренн?

– Один из ваших бывших легионеров, Клод Тезье. Он умер несколько дней назад.

– Раз уж вас заинтересовало это дело, надо полагать, не своей смертью?

– Нет. Магическое воздействие, вызвавшее то, что тамошний маг-медик назвал «разрыв сердца».

– Вот оно как... – забывшись, командир Легиона потёр шрам. – И что теперь вы хотите узнать? Кстати, а почему смертью рядового отставника занимается такая фигура из Службы магбезопасности?

– Потому что Клод Тезье не был мне чужим. Последние годы он управлял моим поместьем близ Арля.

– В Провенсе... Ну да, я знал, что он решил вернуться домой.

– Да.

– Ну что же, спрашивайте. Что можно – расскажу.

«А если мне понадобится узнать что-то, что ты сочтёшь секретом? Нет, дорогой мой Шарль Дюгесклен, тебе придётся ответить на все мои вопросы. Я не постесняюсь обратиться к его величеству за приказом!».

И Лавиния, удовлетворённая таким решением, уселась поудобнее.

– Хорошо, начнём. Почему Клод прослужил так мало, всего восемь лет?

– Почти два срока, – пожал плечами полковник. – Совсем не все остаются на службе до смерти.

– Не все, – госпожа Редфилд не стала спорить. – Вот вы сами сколько уже лет в Легионе?

– Столько не живут, – жутковатый шрам снова зашевелился на его левой щеке. – Больше сорока.

– Больше сорока, немало. И что, помните всех, кто служил рядом с вами за эти годы?

Дюгесклен замолчал, и молчал долго. Так долго, что Лавиния налила себе ещё чая и забросила в рот кусочек печенья. Она не торопила собеседника, понимая, что тот взвешивает все за и против. Что можно ей рассказать, а что оставить за семью печатями?

Наконец он пошевелился, сложил пальцы домиком и в упор взглянул на неё.

– Вам придётся дать клятву о неразглашении.

– Согласна, но с оговорками. Кроме случаев, когда умолчание может принести смертельный вред мне, моим близким или стране.

– Согласен.

– Кровь, огонь и холодное железо?

– Да.

Камин в кабинете по летнему времени, разумеется, не горел, но для двух магов-боевиков это не было проблемой. Дюгесклен бросил в его холодную пасть несколько искр, и дрова дружно занялись, потянуло жаром. Лавиния вытащила из пространственного кармана небольшой и очень острый стилет, ткнула в свой палец, уронила каплю крови в огонь и проговорила положенные слова. Огонь полыхнул особенно ярко и погас.

– Симпатичная игрушка, – небрежно сказал полковник.

– Да, подарок старинного знакомого, которому я как-то помогла, – с такой же рассчитанной небрежностью ответила она.

Через мгновение оба прыснули и расхохотались.

– Монсиньор Паоло Гвискарди, архиепископ Венеции, – добавила госпожа Редфилд, отсмеявшись. – Прислал подарок к Перелому года.³⁾

– Очень интересный набор заклинаний на нём накручен.

– Мне тоже нравится. Потому и ношу в пространственном кармане, а когда есть свободное время, достаю и пытаюсь разобраться, что же там ещё есть. Нашла, помимо заклинания от потери, кражи и прочего, невозможность обернуть против хозяина и что-то ещё, пока непонятное.

– Разберётесь, – сказал Дюгесклен уверенно.

– Думаю, да... – Лавиния вернула стилет на место, потёрла место прокола, снимая болезненное ощущение, и вернулась в кресло. – Итак, Шарль, займёмся делом. Кем был Клод Тезье, и почему вы помните о нём по сей день, хотя прошло столько лет?

– Клод Тезье был аналитиком, – ответил полковник, помолчав. – Он пришёл к нам после университета, закончив факультет философии и политологии с красным дипломом.

– Мать Великая, с какой стати? – удивилась коман-

³ Монсиньор Гвискарди появляется в романах «Лицо под маской», «Приключения архивариуса» и «Суперинтендант и его заботы»

дер. – С таким образованием?

– Не знаю. – пожал плечами Дюгесклен. – У нас, знаете ли, не принято задавать такого рода вопросы, поступил на службу, значит, желает служить. Но от участия в боевых действиях его очень быстро отстранили, потому что, как я уже сказал, он оказался аналитиком высокого класса. Клод мог просчитать ситуацию полностью в десятке вариантов развития. Благодаря ему мы не ввязались в несколько крайне пакостных ситуаций в Парсе, в Квазулу-Натале и ещё в паре совсем скверных мест. А в нескольких сварах обошлись переговорами, и, пока дипломаты придерживались линии, нарисованной Клодом, переговоры оканчивались просто блестяще.

– Простите, Шарль, но почему же, в таком случае, он служил в Легионе, а не в королевском Совете или в министерстве иностранных дел?

– Потому что, будучи бойцом Легиона, он оставался анонимным. Его прогнозы приписывали самым разным личностям, но преимущественно кивали на мудрое предвидение его величества. А спорить с его величеством мало кто рискует. Клоду категорически не хотелось светиться, и эта ситуация его полностью устраивала.

– Ладно, по крайней мере, понятен обширный круг его корреспондентов...

– Вы считаете, Клод продолжал консультировать?

– Уверена в этом. Никак иначе я не могу объяснить его

переписку с двором венецианского дожа, с мастером вуду из Нувель-Орлеана и тому подобными необычными личностями. Так что анонимность оказалась не вечной.

– Люди меняются, – пожал плечами Дюгесклен.

– О, да! Хорошо, с этим разобрались, тогда другой вопрос... Он вышел в отставку после ранения в две тысячи сто шестьдесят шестом. Если Тезье был аналитиком, как он был ранен?

– А вы хорошо помните обстановку в шестьдесят шестом?

– М-м-м... – Лавиния слегка смутилась. – Я помню, что именно тогда оживилась секта свидетелей богини Кали в Кашмире, и нас попросили о помощи. Так что прочие события от меня ускользнули.

– Ну да, ну да, – заулыбался полковник. – Как говорил один мудрец, «Хороший специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя».⁴) Так вот, практически в тот же момент, когда вы усмиряли поклонников яростной богини, возник спор из-за наследства раджи Магадхи. Кстати, я почти уверен, что оживление секты было спровоцировано одной из сторон этого спора. Разрешить его миром сразу не удалось, нам пришлось посылать туда группу, и Клод настоял на том, чтобы войти в её состав. По его словам, он видел слишком много вариантов развития событий. Это может оказаться важно, он должен быть на месте и реагировать на изменение обстановки сразу.

⁴ – Цитата из Козьмы Пруткова, которая показалась мне чрезвычайно уместной

– И что, конфликт перерос в военный? О таком бы я знала...

– Ну что вы, командер! Кто бы это допустил? Просто один из сопровождающих противной стороны... Ох, надоело говорить иносказаниями! Конфликтовали сын и племянник внезапно умершего раджи, Арджун Рампал и Шакти Гхилдиял. За левым плечом Шакти стоял его молочный брат Шахми, который как раз больше всех ратовал за передачу титула и власти его господину. В какой-то момент, когда стало понятно, что старейшины склоняются к кандидатуре Арджуна Рампала, Шахми выхватил кинжал и кинулся на ближайшего чужака, им и оказался Клод. Ранение было вроде бы и не слишком тяжёлым, лезвие вскользь задело голову. Кровь, конечно, хлынула, там много кровеносных сосудов, и на волне испуга нам удалось продавить наше решение. Вот только у Тезье начались чудовищные мигрени. Он помучился пару месяцев и подал в отставку.

– Однако! – госпожа Редфилд поаплодировала. – И вы столько лет помните эти имена?

– Ещё бы... Мы тогда лишились лучшего аналитика из истории, которая нам была интересна лишь косвенно. Так что всё это я запомнил навсегда.

– «Мы» и «нам» – это Легион или Галлия?

– Легиона без Галлии нет, – ответил Дюгесклен сумрачно.

Они помолчали. Потом Лавиния сказала не без сожаления:

– В общем, понятно только то, что причиной для убийства могло послужить любой из вопросов, по которым Клод консультировал. Ладно, не стану более отвлекать вас от дел, мне пора.

– Разрешите вопрос?

– Разумеется.

– Вы посмотрели протокол осмотра тела и осмотра места происшествия?

– Да, конечно. Физических следов – ноль, магических следов – ноль. Стражникам даже не удалось установить, что именно произошло с амулетом, оказавшим фатальное воздействие. Магический фон был слишком, так сказать, замусоренным.

– А можно мне взглянуть?

– М-м-м... Не уверена, что взяла с собой экземпляр... – она покопалась в пространственном кармане, потом с сожалением покачала головой. – Нет, оставила в поместье. Погодите, сейчас попрошу секретаршу отправить магвестником.

И она достала коммуникатор.

Драгоценная Марджори не сплеховала, и через несколько минут в руки Лавинии упали четыре листка. Дюгесклен быстро их просмотрел, потом отложил в сторону протокол вскрытия и внимательно перечитал второй документ.

– Что вы ищете? – не утерпела командер.

– Медальон, – ответил полковник. – Клод никогда не снимал медальон Легиона. Собственно, никто из нас с ним не

расстаётся. Татуировка – это для магов-медиков, если к ним попал труп или раненый без сознания, а вот медальон – это для себя.

– В протоколе никакой медальон не упоминается, – Лавиния нахмурилась, припоминая.

– Нет, не упоминается. Хотя, судя по тому, как педантично описывается само место преступления, обстановка, одежда убитого, вплоть до дырочки на носке, стражники своё дело знают. Они бы не пропустили.

– Как он выглядел?

– Стальной ромб размером... с половину вашей ладони. На одной стороне – знак Легиона, орёл с развёрнутыми крыльями и девиз *More Majorum*⁵), на обороте – имя, номер, информация о группе крови и ещё ряд значков, важных только для командования. Носят обычно на кожаном шнурке или на цепочке.

– Понятно. Я запомню и спрошу стражников. Но думаю, они бы такое не пропустили. Интересно, кому и зачем мог понадобиться столь специфический знак?

– Мне тоже интересно, – медленно проговорил полковник. – Мне тоже это очень интересно...

⁵ *More Majorum* (лат.) – По обычаю предков

Когда Лавиния вышла из здания, оказалось, что уже довольно поздно, время идёт к семи вечера. Хотелось есть и смертельно не хотелось открывать портал в Провенс. Почему-то резерв ощущался как полупустой, даже – тут она прислушалась к себе – пустой на три четверти. Н-да, дорого обошёлся разговор с полковником Дюгескленом... И интуиция в который раз сработала правильно: так вот откроешь дальше порталное окно с неполным резервом, и попадёшь вместо собственное поместья неизвестно куда. И хорошо, если целиком, бывали всякие случаи, и всем магам, у кого открываются способности к созданию порталов, об этих случаях рассказывают.

– Ладно. – пробормотала Лавиния. – Тогда план у нас будет такой: ночую я дома, на набережной Бурдоне, а ужинать... Ну наверняка дома еды для меня нет, кухарка начнёт метаться, как заполошенная птица, Бакстон подымать левую бровь... Пойду-ка ужинать в «Старый гоблин», вот что. Давненько я там не была.

Таверне «Старый гоблин», что на улице Кота-Рыболова, на левом берегу Сены, уже лет пятьсот, наверное. И по слухам, все пятьсот лет там одна и та же хозяйка, Мари Шарро. На вид это простая, не сильно образованная женщина лет

сорока – сорока пяти, с густыми каштановыми волосами и светло-голубыми глазами. Она была неразговорчива, на собеседника обычно не смотрела, но уж если взглянет – тут самый пропитой пьяница ёжился от ледяного холода этих блеклых глаз, спешил оплатить свою выпивку, да и убирался подальше. В «Старом гоблине» могли найти приют и недорогой ужин матросы с речных судов, небогатые торговцы, что приводят свои лодки к причалу по соседству, студенты из Университета Лютеции и Коллежа Сорбонна...

Сегодня вечером в «Старом гоблине» было много народу, за сдвинутыми столиками сидело десятка два речников, и судя по гомону, пили они уже давно. Лавиния искала глазами свободное место – пустых столиков не было, но её бы вполне устроил и один молчаливый сотрапезник. Увы: шумные компании, парочки, веселящиеся приятели... Вздохнув, она уже было развернулась, чтобы отправиться домой и поужинать тем, что найдёт в доме Бакстон, но тут за спиной прозвучал знакомый тусклый голос.

– Госпожа Редфилд, давненько вы не заглядывали...

– Добрый вечер, Мари! – ну да, хозяйка таверны заметила долговязую фигуру и подошла. – Да, всё дела и заботы.

– Вы поесть или поговорить?

– И то, и другое. Впрочем, поговорить можно и позже, я не уверена, что сформулировала все вопросы, которые следует задать. Только мест не вижу, много у вас сегодня гостей.

– Пойдёмте, я второй зал открыла, чистый. Там и потише,

и народу меньше.

Мадам Шарро провела Лавинию между столиками, за стойку, где распорядился немолодой кряжистый дядька с вислыми усами, потом по узенькому коридорчику до крутой лестницы. Они взобрались на второй этаж, и глазам командера предстала светлая небольшая комната. Два окна выходят на реку, одно в садик, пять или шесть столиков под белыми скатертями, плетёные кресла, а не лавки и табуреты, как внизу.

Зал этот был пуст.

Лавиния выбрала столик возле окна, выходящего в сад, села в кресло, поёрзала...

– Сейчас принесу подушки, – тут же отреагировала хозяйка. – Сегодня отличное фрикасе из моллюсков с угрём, и белое вино есть, как раз то, что вам нравится. Или мяса хотите? Тогда кролика берите, он удачно вышел.

– Нет-нет, фрикасе – это то, что надо! – просияла госпожа Редфилд. – Давайте его, маслины поострее и вино. И для себя бокал принесите, пожалуйста.

Не прошло и пяти минут, как всё было на столе – глиняная миска с рыбой и моллюсками, томившимися в белом вине и сливках, поблёскивающие чёрными боками маслины, стеклянный кувшин с вином, по запотевшему боку которого ползла капля. Мари выставила пару бокалов из такого же толстого стекла, как и кувшин, плеснула в один и налила во второй до половины. Потом села напротив.

– Ну что же, госпожа Редфилд, сколько лет мы с вами знакомы?

Лавиния только рукой махнула и тоже взяла вино.

– Сколько знакомы, столько и наше. Чужого не возьмём, своего не отдадим, – она отпила сразу большой глоток, кинула в рот маслину и кивнула. – Да, то, что надо.

– И как, придумали вы ваши вопросы?

– Пожалуй, нет. Пожалуй, сейчас я спрошу только одно... Бывает ли так, что люди Ночного короля используют услуги аналитиков?

Бесстрастное лицо Мари несколько оживилось. «Подумать только, впервые я вижу у неё хоть какую-то эмоцию!» – подумала Лавиния.

– Аналитиков? – повторила мадам Шарро. – Хм... Пожалуй, не припомню я такого. Ну, вы понимаете, я не всё знаю, да и то, что мне известно, касается только Лютеции. Но, пожалуй, нет, – она снова смочила губы в вине и усмехнулась. – Изменяю своим принципам, очень уж любопытно. У вас новое расследование?

– Да. К сожалению, оно коснулось лично меня: убили моего управляющего из имения в Провансе. И убили... неправильно. То есть, всякое убийство неправильно, но это как-то особенно.

– Ну да, понимаю, – кивнула трактирщица. – Всякое убийство неправильно, но, если муж убивает жену за измену или кто-то из молодцев с большой дороги перестарается, отби-

рая у проезжего кошелёк – это дело повседневное.

– Вы совершенно правы... К сожалению, я пока не знаю, что именно в жизни моего управляющего привело к его смерти, но узнаю.

– Ну разумеется, – мадам Шарро встала. – Желаю вам удачи.

Домой она пошла пешком.

Спустилась к Сене, свернула налево и побрела по набережной Конти, обдумывая свалившееся на неё расследование. Сигнал коммуникатора прозвучал возле моста Искусств.

– Госпожа командер, добрый вечер! Это капитан Кальве.

– Добрый вечер, капитан.

Показалось ей, или в сгустившихся тенях узкого переулочка что-то шевельнулось? Логично, что ж – время позднее, набережная пуста, только одинокая немолодая женщина по ней идёт, странно было бы не проверить, нет ли у неё в карманах чего-то полезного. Лавиния активировала защитное заклинание и продолжила говорить.

– У вас есть новости?

– Да, госпожа командер, есть.

– И у меня есть. Думаю, завтра я могу быть у вас часам к десяти, это удобно?

– Пока да, – капитан тихонько хмыкнул. – А так-то кто ж знает, что у нас за ночь произойдёт?

Распроставшись, она продолжила свой путь, попутно отслеживая в контрольной сети, что происходит вокруг. И да, получалось, что три жёлтых точки – то есть, трое людей – двигаются за ней следом, и одна ждёт впереди, там, где рядом с рекой небольшой сквер.

Лет двести назад госпожа Редфилд сочла бы это небольшим забавным приключением – на неё напали в городе какие-то уличные мелкие бандиты. Но сегодня она устала, была собою недовольна, и, как следствие, совершенно не расположена с ними возиться. Поэтому дождалась, чтобы они подошли поближе, и сбила с ног ударом воздушного кулака троих, что шли следом. Бросила на них заклинание неподвижности, и наплевать, что оно действует всего минут двадцать, ей хватит. Повернулась к четвёртому, подошедшему совсем близко, и ласково улыбнулась:

– Ну, иди сюда!

Пришлось разговаривать с прибывшим патрулём городской стражи. потом ждать, пока они напишут протокол, читать его, подписывать... Маленькое приключение отняло кучу времени, минут сорок, не меньше, поэтому Лавиния согласилась на предложение патрульных и доехала до своего особняка на их экипаже. Было уже за полночь, дом закрыт на ночь и надо будить дворецкого Бакстона...

Словом, не задался день, с какой стороны ни посмотри.

Глава 4

Утро началось с сигнала коммуникатора. На экране был полковник Дюгесклен во всей красе: ледяные серые глаза, сдвинутые брови, бритая голова, застёгнутый ворот полевой формы.

– Доброе утро, Шарль, – героическим усилием Лавиния подавила зевок.

– Доброе... Вот что, командер, я сообразил, что ошибся вчера.

– В чём?

– В дате. Уволился Тезье не в шестьдесят шестом, а в шестьдесят пятом. Ноябрь шестьдесят пятого.

– Да? Ну, наверное, куда-нибудь в тёплые края подался на солнышке погреться?

– Да тёплых краёв ему и до этого хватило выше крыши, я ж рассказал – конфликт в Магадхе. Мы были там в октябре шестьдесят пятого. Я проверил по документам, ранен Клод был пятого октября, а двадцать шестого ноября написал прошение об отставке.

– Магадха, значит... – Лавиния покачала головой. – Да уж, надо полагать, в это время там не слишком холодно.

– Ниже тридцати редко опускалась, а в основном было тридцать пять градусов и даже выше. Так что я не думаю, чтобы Тезье потянуло на солнышко.

– Что же, спасибо, Шарль, я буду выяснять.

– Не считите за труд, когда найдёте убийцу – сообщите.

– Непременно.

Экран погас, Лавиния отложила коммуникатор и задумалась.

«Значит, тут у нас дыра в несколько месяцев. Пробел в биографии. Ох, как это мне не нравится, именно в таком пробеле и может скрываться убийца...»

* * *

Без трёх минут десять она уже поднималась по лестнице к кабинету капитана Кальве. Дверь была распахнута настежь, а сам капитан, открыв объёмную карту Жансона, что-то показывал двум офицерам.

– А. госпожа командер! Рад видеть, – сказал он отрывисто и очень по-деловому. – К сожалению, сопроводить не смогу, у нас тут небольшое происшествие.

– Полагаю, что я смогу справиться сама. К кому мне обратиться в Арле? – невольно Лавиния скопировала его манеру говорить.

– Майор Прюнель, мой коллега, начальник городской стражи. Улица де ла Калад, восемь, – и он протянул карточку.

– Благодарю, – коротко кивнув, госпожа Редфилд вышла. Выйдя во двор, она посмотрела на бумажный прямоуголь-

ник, увидела номер коммуникатора и удовлетворённо кивнула.

– Господин майор, – на экране появился немолодой мужчина с майорскими знаками на мундире, с рыжими усами и совершенно лысый. – Я командер Редфилд, Служба магбезопасности. Как мне перейти к вам? Не хочу открывать портал наудачу.

– Минутку, командер, сейчас откроем с нашей стороны. Действительно, минуты через три посередине мощёной площадки стало разгораться порталное окно. Лавиния дождалась, пока оно развернётся полностью, и шагнула вперёд.

Арль оглушил её шумом голосов, звуками дудок, волынок, чего-то струнного, грохотом барабанов и трещоток.

– Мать Великая, что здесь происходит? – вырвалось у неё.

Открывавший портал молодой лейтенант поморщился.

– Фестиваль лаванды. Вы же понимаете, для туристов сейчас самый сезон.

– Да, весело вам тут.

– Прошу вас, господин майор ждёт.

Майор Прюнель действительно ждал. Кофе, печенье, сливки... и вопросительный взгляд, устремлённый на встречу госте.

– Я правильно понял, вас интересует мадам Камуан? – начал он разговор.

– Совершенно верно.

– Она вполне законопослушна. Ни разу за все годы, что мадам Камуан живёт в Арле, у городской стражи не было к ней претензий. А один раз она помогла нам вычислить вора, повадился тут один...

– Так и у меня к ней нет претензий, – с самым простодушным видом госпожа Редфилд развела руками. – Она могла быть свидетелем по делу, которое я сейчас веду, вот и всё.

Прюнель поморщился; видно было, что в простодушие гости ему поверить не удалось.

– Может быть? – повторил он.

– А может и не быть, – кивнула Лавиния. – Простите, о сути дела пока не рассказываю.

– Да мне и не надо, своих забот выше крыши. Но если нужна будет помощь, обращайтесь.

– Благодарю. А вот, пожалуй... Как бы мне пройти к её дому, чтобы миновать эти толпы?

– А, ну это проще простого! – майор расслабился. – Сейчас Кардиле вас проводит, есть тут... тропочки.

Появился тот же самый лейтенант, который открывал портал. Выслушал приказание, кивнул и повернулся к Лавинии:

– Госпожа командер, прошу!

Жила Луиза Камуан вроде бы и недалеко от здания городской стражи, во всяком случае, тоже в старом городе и на том же берегу Роны. Но Лавиния честно призналась себе, что в одиночестве она бы в жизни не отыскала эту самую улицу Ост – узкую, тёмную, изгибавшуюся кривой дугой и упирав-

шуюся двумя концами в такую же узкую и кривую Гран Приоре. Впрочем, дом, к которому подвёл её лейтенант Кардилье, был симпатичным: двухэтажный особнячок, отделённый от улицы небольшим палисадником, где буйно цвели розы, с высоким полуциркульным окном и парными полуколоннами по сторонам от двери. И дверной молоток был забавным, гримасничающая маска с длинным высунутым языком, которым, собственно, и нужно было стучать.

Лавиния и постучала.

Дверь открылась так быстро, словно кто-то стоял за ней и ждал.

Женщина. Лицо смутно знакомо – а много ли можно было разглядеть там, за кружевами? Выглядит молодой, моложе Тезье, лет тридцати пяти. Светлые волосы, собранные в аккуратный пучок, домашнее тёмно-синее платье, правильные черты лица, спокойный взгляд карих глаз. В общем, сегодня она Лавинии скорее понравилась.

– Мадам Камуан?

– Да. это я.

– Лавиния Редфилд. Мы можем поговорить?

– Я вас ждала, – она посторонилась и повела рукой, приглашая войти. – Прошу вас.

В темноватой гостиной – ага, окна выходят в сад! – хозяйка села, указала гостю на кресло напротив и уставилась выжидательно.

Молча.

– У меня к вам несколько вопросов, мадам Камуан.

– Спрашивайте, если смогу – отвечу.

– Что именно из наследства Клода Тезье вы пытались получить?

– А вы берёте быка за рога, – улыбнулась женщина одними губами. – Вам не кажется, что это только моё дело?

– Нет, не кажется. Тезье – мой человек, и сейчас сам себя защитить не может. Значит, это сделаю я.

– Ваш человек? За тот год, что я жила с ним вместе в вашей «Лаванде», – название поместья мадам Камуан будто выплюнула, – вы там ни разу и не появились. И даже написать не удосужились. Вам ведь наплевать было и на Клода, и на остальных работников! Урожай, неурожай, мистраль или трамонтана – какая разница госпоже из столицы? А теперь прискакали, наследством заниматься...

– А зачем мне приезжать? Тезье со всем справлялся, и я ему доверяла, – Лавиния пожалала плечами. – Ну да, моя жизнь – вне этого поместья, но оно принадлежит мне, и все его люди – тоже. И Клод, и мадам Тома, и даже тот ребёнок, который через пару месяцев родится у кузнеца и его жены. Поймите, Луиза, я вам не враг. До той поры, пока не выяснится, что вы сделали что-то во вред мне или моим людям. Если же я узнаю, что это вы убили Клода...

– Убили? – голос Луизы Камуан стал вдруг тонким и ломким. – Убили? Это не был сердечный приступ?

– Это был сердечный приступ, магически спровоцирован-

ный. И я не уеду отсюда, пока не узнаю, кто и почему это сделал. Давайте начнём сначала. Я – Лавиния Редфилд, командер Службы магической безопасности Союза королевств, и я клянусь своей магией, что сделаю всё возможное, дабы раскрыть убийство Клода Тезье и привести виновных в королевский суд. Кем бы они ни были.

Далёкий гром за окном завершил это пафосное выступление.

Луиза помолчала, облизала губы и кивнула.

– Хорошо. Давайте. Значит, сначала... Вы знаете, что мы с Клодом довольно быстро развелись? Ну, да, вам уж небось наговорили, какая я дрянь такая и сякая. Но это неважно... Дело в том, что на самом деле мы были деловыми партнерами, и это получалось у нас куда лучше, чем супружеская жизнь. Что вы вообще знаете о своём управляющем?

– Помимо того, что под его рукой поместье процветало, и я могла о нём не думать? Знаю, что он был классным аналитиком, причём в любой области. Видимо, среди данных ему талантов был и дар предвидения.

– Был, – улыбнулась Луиза, – Для тех случаев, когда одного только расчёта было недостаточно. Ну так вот, расчёты выполняла для него я. Мы познакомились случайно, здесь, в Арле – он приехал по каким-то делам, а я только что сдала последний экзамен за второй курс и собиралась праздновать с однокурсниками и тогдашним моим парнем.

– А где вы учились?

– В здешнем университете на математическом факультете. Ну вот, дальше всё обыденно: с парнем мы поссорились, я ушла, завернула в кафе, потому что натёрла ногу новыми туфлями, надо было посидеть хоть четверть часа. Со мной за столиком сидела старая женщина, цедила чашку кофе и что-то считала на бумажке. Я смотрела, смотрела, потом не выдержала и предложила помочь. Оказалось, что она считает, на сколько ночей в хостеле ей хватит денег. Там была грустная история с сыном, невесткой и наследством, не буду занимать ваше время. Ну вот, я посчитала, вышло что-то совсем мало, три или четыре ночи. Старуха меня удивила: я думал, она заплачет или ещё что, а она вздохнула и сказала, мол, ну и ладно, тогда можно позволить себе пирожное.

– И как в эту историю попал Клод?

– Очень просто. Он сидел рядом и внимательно слушал наш разговор. А когда тётушка София съела пирожное и допила кофе, предложил ей перебраться в «Лаванду». Работать её никто не заставит. Если она сможет присматривать за детьми или помогать экономке, так и хорошо. Если нет, значит, просто поживёт, уж комната и тарелка супа найдётся.

– И она согласилась?

– Подумала и согласилась, – Луиза улыбнулась с нескрываемым ехидством. – Да тётушка София и сейчас в «Лаванде» живёт, только вот на похоронах не была, у неё спину прихватило.

– Ну хорошо, – насмешку Лавиния пропустила мимо, ви-

дывала она насмешников и поострее. – Вполне сказочная история, только у нашей конец плохой. Клод Тезье убит, я разыскиваю убийцу, а вы собирались рассказать мне, в чём же вы были партнёрами.

– После Легиона... Ну, вы в курсе, что он служил в Легионе, но в боевых операциях не участвовал? По его собственным словам, его голова была слишком ценна для командования, чтобы подставлять её под удары противника. Так вот, после Легиона он вернулся домой, а следом за ним потянулась информация о его таланте. Аналитики нужны всем, кто имеет дело с разумными и их поступками, с принятием решений, с управлением...

– Я это всё примерно себе представляю, хотя обычно и пользуюсь другими методами, – перебила её Лавиния. Ну не говорить же это юной даме, что ей проще прочесть мысли, чем взвешивать и просчитывать? Хотя может, и зря, надо попробовать...

– Так вот, стали появляться запросы на анализ той или иной ситуации, деятельности, обновления или изменения в системе. И Клод предложил мне взять на себя расчёты. Он был хорошим математиком, но я лучше. Мы поработали вместе пару месяцев, потом я предложила съехаться, просто чтобы не терять времени. Он сказал, что так нехорошо, и мы поженились. Только... – Луиза впервые за весь разговор опустила глаза. – Понимаете, оказалось, что мы совсем друг другу не подходим, ну, в постели. Вот совсем. Я-то могла бы

и притворяться, но это было взаимно, а если так, то зачем?

– И вы развелись, но партнёрство сохранили.

– Да. Купили порталный амулет, кучу денег грохнули, зато вопрос с тем, что я живу в Арле, а он в поместье, был решён.

– И вы остались партнерами?

– Конечно. Партнёрами и друзьями, – она глубоко вздохнула. – А теперь его нет.

– Я вас поняла, Луиза. И я повторяю свой вопрос, теперь вы ответите? Что именно вы хотели получить из оставленного Клодом наследства?

– Бумаги и расчёты, – ответила Луиза без промедления. – Отчёты по всем делам, предварительные данные по последнему. Это всё у Клода в личном сейфе, в кабинете, а не в том домике, где он жил. На банковский счёт и прочее я не претендую, пусть эта свистушка забирает.

– Хорошо. Я прослежу, чтобы вы смогли просмотреть содержимое сейфа и забрать то, что вас интересует. Теперь следующий вопрос: вы были в курсе всех его дел по аналитике?

– Да.

– Могло ли одно из них привести к смерти Клода?

Тут Луиза глубоко задумалась, даже встала и прошлась по гостиной. Лавиния воспользовалась случаем, чтобы осмотреться. Комната была стандартно хорошо обставленной – новая мебель, мраморный камин, на доске над ним фотографии в серебряных рамках и две фарфоровые вазы, мо-

жет, даже и северские; круглый столик с мозаичным панно на крышке, пара зеркал в серебряных рамах... За распахнутыми окнами сад, оттуда пахнет цветами и свежесобранной травой, похоже, что, как минимум приходящий садовник за всем этим ухаживает. Да, молодая женщина явно не бедствует, и, если это заработано собственными мозгами, можно лишь восхищаться.

Мадам Камуан остановилась у окна, и на фоне его различим был лишь силуэт.

– Не знаю, – сказала она. – Я перебрала всё, что мы делали за последний год, но там не было ни одного... сомнительного заказа. Да и скажем прямо, в последние года четыре он брался за работу всё реже. Только если приходили заказы от таких структур, которым не отказывают. Но я думаю, что им бы не понадобилось тайно подсовывать Клоду какой-то артефакт. Они бы просто раздавили одним пальцем и его, и меня.

– Вы имеете в виду, например, дожа Венеции?

– Да хотя бы и его! – тут Луиза неожиданно развеселилась. – Там и расчётов-то было – капля, а деньги очень неплохие. Рассказать о сути дела не могу, но поверьте, светлейшему не за что было на нас обижаться.

– Мог ли быть у господина Тезье какой-то заказ помимо вас?

– А почему нет? В каких-то делах расчёт был просто не нужен, там Клод применял свои методы. Пару раз он мне велел просто не соваться, потому что его не тронут, а мне

могут голову оторвать просто профилактически... Ой!

– Вот именно, что ой, – отозвалась Лавиния ворчливо. – А его всё-таки тронули. Вот что, Луиза, мы с вами поступим так: для начала вы наконец предложите мне кофе...

– Ох, простите, я должна была сделать это сразу! Подождите пару минут, я сварю, готовлю я сама.

«И готовишь из рук вон плохо!» – думала госпожа Редфилд, наблюдая за тем, как та ищет джезву, роняет её, рассыпает молотый кофе... Конечно, она не стала ждать в гостиной, а отправилась за Луизой следом на кухню, это ведь отличная возможность понаблюдать за фигурантом. «Оп-па! А с чего это я стала называть её фигурантом дела, а не бедной деточкой? Получается, какой-то был звоночек, который я пропустила? Та-ак, ну-ка, соберись, старая ворона, обдумай всё сказанное».

Лавиния потихоньку пила кофе, со сливками и сахаром вполне годный к употреблению, поглядывала на госпожу Камуан, перебирала в мыслях их беседу. Наконец кофе закончился, она отставила чашку и сказала:

– Итак, я предложила бы вам самой просмотреть содержимое сейфа в кабинете управляющего, – тут глаза женщины вспыхнули, – но боюсь, те, кто живёт в имении, меня не поймут. А я в известной степени от них завишу.

– Да уж, не поймут – это точно, – Луиза опустила глаза.

– Поэтому у нас с вами есть другой вариант. Я сама просмотрю всё, убью на это сегодняшний вечер, и составлю спи-

сок. А завтра мы с вами его изучим и решим, во-первых, всё ли на месте, и во-вторых – могло ли что-то из дел, которые вёл Тезье в качестве аналитика, привести к его смерти. Годится?

– Ну... да... Но, госпожа командер, вы считаете, мне нечего опасаться? Может быть, лучше уехать и затеряться где-нибудь?

– Если вами интересуются, так уже должны были бы следить, – Лавиния покачала головой. – Правда, я по дороге сюда не заметила ничего такого, но мало ли! Так что мы сделаем по-другому: вот амулет, – она достала из пространственного кармана и выложила на стол пирамиду, составленную из дерева, металла и разноцветных камней; на вершине пирамиды сиял рубин размером с ноготь большого пальца. – На красный камень нужно капнуть каплю вашей крови, для настройки на вас. Когда я выйду, вы запрёте дверь и нажмёте последовательно здесь, здесь и здесь. После этого никто не сможет войти в этот дом через дверь, окно или даже через разобранный потолок, понятно?

– Понятно, – пискнула Луиза. – А-а... А если я сама захочу выйти?

– Куда?

– Ну мало ли... Если пожар, например!

– Нажмёте на красный камень и выйдете, – махнула рукой Лавиния. – Правда, включить защиту сами вы уже не сможете, так что лучше обойтись без пожара.

Губы хозяйки дома тронула слабая улыбка.

– Знаете, я и не жажду, но мало ли что!

Госпожа Редфилд не стала сообщать, что, помимо действительно серьёзных защитных функций, амулет ещё и будет отслеживать местонахождение того, на чью ауру настроен.

Тут Луиза вдруг нахмурилась.

– Вот только странно... Я не артефактор и вообще не маг, но читала... Разве для защиты дома нужно привязывать настройку к конкретному человеку?

– Нам нужно защитить не дом, а вас. Если вы переедете в отель, то точно так же можно будет включить щит вокруг комнаты, где вы будете находиться. Понимаете?

– Ну... Наверное... Вы ведь не можете сделать мне ничего плохого?

– Нет. Но если у вас есть сомнения, давайте не будем их подкармливать. Завтра утром я свяжусь с вами по коммуникатору, – и Лавиния встала. – Да, вот ещё что: вы ведь знакомы с девушкой, на которую написано завещание?

– С Андреа? – госпожа Камуан фыркнула. – О да! Кажется, это называется «с молодых ногтей», ей было восемь или девять, когда я познакомилась с Клодом. У него было что-то вроде романа с Марго, матерью девчонки.

– Что-то вроде романа?

– Ну да. Они были знакомы давно, года четыре, и время от времени встречались. Хотя я и не могу понять, что общего

было у Клода – Клода! – и этой простушки-цветовода. Что-то, наверное, было, но этого не хватало, чтобы пожениться. А потом появилась я... Не знаю, почему он решил всё своё имущество завещать Андреа, но это и не важно. Его деньги, его право, я сама на себя заработаю.

– Я поняла. Ну что же, в таком случае, я с вами прощаюсь до завтра.

– Госпожа командер, постойте! – Луиза вскочила из-за стола и тоже подошла к двери. – Я согласна, оставьте, пожалуйста, ваш защитный амулет. Я вам верю.

* * *

Храм в Жансоне был один, Пантеон. Возможно, неведомый архитектор хотел повторить величественное римское сооружение, но получилось... то, что получилось. Во всяком случае, были у входа мраморные колонны, числом четыре, и ступени между ними вели к гостеприимно распахнутым высоким дверям. Отец Андре тут же, у дверей, и обнаружился: он сбрызгивал водой из лейки мозаичный пол.

– Жарко очень, – пояснил священник. – А тут как-то не продумана система вентиляции, и получается ещё и душно. Вот водой спасаемся.

– Понятно...

Лавиния опустила несколько монет в кружку у дверей и спросила:

– Найдётся у вас время, чтобы со мной поговорить?

– А почему же нет? Я здесь и провожу день, разговаривая с любимым, кому понадобилась моя помощь. Пойдёмте, присядем на скамью вон там, слева, там есть небольшой сквознячок.

– Скажите, отец Андре, насколько хорошо вы знали Клода Тезье? – спросила Лавиния, Опустившись на деревянную скамью, отполированную задами горожан.

– Хорошо знал. Наверное, лучше всех, с кем он встречался здесь, в Провенсе. Он ведь был человеком очень закрытым, и свои проблемы обсуждать не любил.

– А с вами обсуждал?

– Да.

– Расскажите, пожалуйста! – заметив, что священник нахмурился, Лавиния подняла ладонь. – Я не прошу выдавать тайну исповеди, хотя не уверена, что для умершего она всё ещё действительна. Просто расскажите о том, что его беспокоило в последние два-три года?

– Могу я узнать, почему вас интересует именно такой срок?

– Потому что довольно долго после возвращения в родные места Клод не только служил в страже, а потом управлял поместьем. Он занимался аналитикой по заказам довольно высокопоставленных персон.

– Ах вот оно как...

«Значит, ты что-то об этом знаешь? – быстро подумала

коммандер. – Значит, тут надо копнуть глубже!»

– Но, по словам его делового партнера, в последние два или три года он резко сократил количество заказов, за которые брался. Клод Тезье был убит, отец Андре, и я хочу знать, была ли его смерть связана с аналитической работой из числа последних.

– Или с отказом от какого-то заказа? Да, понимаю... – священник вздохнул. – Понимаете, подробностей я не знал...

«Сейчас будет врать... Ох, как же я не люблю, когда слушители божии начинают лгать!».

Но отец Андре снова её удивил. Легко поднявшись со скамьи, он зашёл в какую-то неприметную дверку и почти сразу же вернулся, держа в руках толстую потрёпанную тетрадь в чёрной кожаной обложке.

– В принципе, это не для разглашения, – он улыбнулся. – Но вам я покажу, поскольку это для дела. Вот, смотрите.

На странице Лавиния увидела записи чётким, каким-то острым почерком, заставляющим вспомнить готические соборы. Даты, имена, цифры...

– Что это? – спросила она.

– Пожертвования от прихожан. Вот итог за месяц, а на следующей странице расписано, куда израсходованы деньги.

Цифры были большими, даже чересчур большими для маленького городка, и коммандер взглянула на священника, ожидая пояснений.

– Не знаю, какую часть доходов Клод Тезье отдавал нам,

но суммы были большими. И, насколько мне известно, он уже сам оплачивал обучение нескольких детей из бедных семей, сиделок к лежачим больным... Сам он жил только на то, что зарабатывал в качестве вашего управляющего.

– Это он вам сказал?

– Да.

– А... причины?

– Всего рассказать не могу, но было в истории его службы несколько эпизодов, которые он сам себе не мог простить, – отец Андре развёл руками. – Как вы справедливо заметили, я связан тайной исповеди, поэтому делайте выводы сами, или расспросите кого-то ещё.

– Спасибо... – медленно проговорила Лавиния. – Я подумаю, к кому прийти с вопросами.

* * *

– Ну, и чем вас кормить? – ворчала мадам Тома, проворно накрывая на стол. – Не то обед, не то ужин, добрые люди уже давно отдохнули после еды и работать пошли, а вы только за стол!

Привычно отмахнувшись, Лавиния впилась зубами в ломоть ещё тёплого хлеба с толстым куском домашнего окорока.

Доев последнюю ложку обжигающего кассуле⁶), она откинулась на спинку стула, поглядела на сидящую напротив Марджори и сказала весело:

– Нас с тобой ждёт исключительно интересная работа!

– Какая? – спросила Марджори.

– Кабинет покойного управляющего. Где он, мадам Тома, и у кого ключи?

– На втором этаже, – ответила кухарка. – А ключи... Походите минутку!

Она нырнула в кладовую, не забыв прикрыть за собой дверь. Там что-то звякнуло, грохнуло, прокатилось со стуком... Лавиния переглянулась с секретаршей и открыла было рот, чтобы прокомментировать эти поиски, но тут же его и захлопнула, покачав головой. Наконец мадам Тома вышла, неся в руках связку самых разных ключей, штук тридцать – больших и маленьких, старых и новеньких, блестящих и слегка заржавевших.

– Вот! – связка легла на стол перед хозяйкой, – Клод на магический замок запирает и кабинет, и библиотеку, а как его не стало, я закрыла на обычный замок. От греха подальше.

Марджори пошевелила железную кучу кончиком пальца.

– И какой из них?

Глаза кухарки подозрительно заискрились весельем, и Ла-

⁶ Кассуле – густая фасолевая похлёбка с зеленью и мясом. В зависимости от региона, готовится из свинины, гуся, утки, баранины или колбасок. Иногда из всего вместе.

виния усмехнулась.

– Нет-нет, дорогая, не надо! Это совсем не сложно определить.

Она провела ладонью над связкой, задержала её...

– Вот этот... и этот! Я права, мадам Тома?

– Да правы, конечно, что уж тут. Ладно, поиграли, и будет. Через пару часов работники с виноградника вернутся, надо рагу готовить.

И она отвернулась к плите.

Левое крыло второго этажа традиционно отводилось под хозяйские покои – спальни, гардеробную, кабинет хозяйки, в котором Лавиния, честно говоря, уже года три не была. В правом крыле размещались гостиные, пара спален, библиотека и несколько комнат «на всякий случай», вот в одной из них Клод Тезье и устроил свой кабинет. Замок открылся без запинки.

Кабинет был обжит. Подушки на одном из кресел смяты, словно только что кто-то встал, по столе стопкой лежат бумаги, в шкафу за стеклом поблёскивают бокалы разноцветного стекла. Более того, заглянув в соседнюю совсем уж крохотную комнату, Марджори обнаружила там аккуратно застеленную узкую кровать и шкаф, в котором висели и лежали мужские вещи.

– Получается, он и ночевал тут, – сказала она.

– Мы ж с тобой заглянули во флигель, – пожала плечами

Лавиния. – Там явно никого давно не было, кроме мадам Камуан в последние пару ночей.

– Ну что же, значит, нам же проще. Обыскать полторы комнаты значительно легче, чем двухэтажный флигель. С чего начнём?

– Ты займись столом. Документы, что в ящиках, нет ли там расходных книг... Сама знаешь. А я отыщу сейф.

– Или два, – хмыкнула Марджори. – Или три, как помнишь, у того тёмного мага?

– Ну, первый, я полагаю, вот за тем натюрмортом, – командер подошла к картине, висящей между двумя книжными шкафами, осмотрела её раму и нажала на золочёный завиток в правом нижнем углу.

Натюрморт сдвинулся, открывая стальную дверцу.

Минут пять Лавиния провозилась, вскрывая обычный и магический замки, наконец, дверца подалась и мягко распахнулась. На верхней полке лежали несколько замшевых мешочков, в каких обычно хранят или перевозят наличные монеты, под ними – две толстые и довольно потрёпанные тетради.

– Ага, это, надо полагать, местная бухгалтерия, – пробормотала она. – Деньги, это неинтересно. Так, а тут что?

Нижняя полка была плотно заставлена толстенькими томиками, переплетёнными в скучную коричневую бумагу с белыми наклейками на корешке. Надписи на этих наклейках Лавиния расшифровать не смогла, чередование цифр и букв

показалось ей совершенно произвольным и ни к чему не относящимся. Похмыкав, она не без труда вытянула один из томиков и раскрыла посередине.

– Вот Тьма! Таблица... температуры? И где её измеряли?

– Средняя по больнице, – хихикнула за плечом Марджори, бросившая ящики стола на произвол судьбы. – Смотри, вот тут, по-моему, дата! – её палец упирался в левую колонку. – Вот, февраль восемьдесят пятого, двадцать первое число. Знаешь, я подозреваю, что это записи по виноградникам. Гляди, температура воздуха ночью, утром и днём, то же самое – у корней. Эта графа – почки, а вот здесь уже для меня слишком сложная кодировка...

– Да, пожалуй, ты права. И это что, он вёл такие записи каждый треклятый день за все эти годы? Зачем?

– Понятия не имею. Но тебе придётся нанимать нового управляющего плюс главу виноградарей, плюс энолога вместо одного Клода Тезье. Интересно, какой добрый человек подложил тебе такую свинью...

– Не знаю... – Лавиния закрыла журнал записей и аккуратно вернула его на место. – Но узнаю непременно. Ладно, в этом сейфе ничего важного. Деньги только надо посчитать, чтобы потом передать новому управляющему. Так, где ещё может быть скрыто что-то важное?

Марджори пожала плечами.

– Слушай, тут так мало места! Вряд ли тайник может быть в потолке, ведь так? Кровать узкая, без спинки... Ну, разве

что в матрасе что-то спрятано.

Лавиния тут же, с трудом сдерживая смех, провела рукой вдоль кровати.

– Нет, ничего в матрасе нету!

– Слушай, а вообще каков объём того, что мы ищем?

– Ну-у... Клод получал заказы на аналитическую оценку довольно много лет, больше десяти точно. Даже если он в последние годы сильно сократил эту деятельность, даже если уничтожал расчёты и промежуточные записи, оставляя только исходники и страницы с обоснованием и выводами, всё равно, должна быть изрядная пачка бумаги. Думаю, объёмом не меньше того сейфа, что мы уже выпотрошили.

– А не может это всё храниться в компьютере?

Лавиния даже отвечать не стала, только выразительно покрутила пальцем у виска. Потом покосилась на секретаршу, тихонько выругалась и подошла к рабочему столу.

– В этом компьютере? Ты шутишь? Он даже записи по виноградникам держал в тетрадах, а аналитика – это секретность. Думаю, что здесь была максимум переписка по электронной почте, ну, и какие-то рабочие мелочи. Но... Сама предложила, сама и проверяй.

– И проверю! – Марджори нажала на кнопку и стала ждать загрузки, а Лавиния вернулась к поискам второго сейфа.

В конце концов он был обнаружен в полу, под журнальным столиком, хитро спрятанный в узорах паркета, и вскрыт. Там обнаружили банковские документы, договоры с ра-

ботниками, ещё несколько мешочков с деньгами. Но и здесь вторая работа Клода Тезье никаких следов не оставила.

– Ну хорошо, – сказала Марджори, окидывая взглядом кабинет. – Здесь и в той конуре мы осмотрели каждый угол. Я бы предположила потайную комнату или что-то в этом роде, но зачем бы ему это понадобилось? Тезье был здоров, умирать не собирался, ты его работу никогда не проверяла, так ведь? Зачем ему было прятаться, словно заговорщику?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.